

**НОВЫЕ
Герои**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

НАДЕЖДА КУЗЬМИНА

ПОПАЛА!

Надежда Михайловна Кузьмина

Попала!

Серия «Новые герои»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2359155
Попала!: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52738-0

Аннотация

Интересно, о чем думают люди, собираясь вынести мусор после вечеринки? Да о чем угодно, только не о том, что больше не вернутся ни домой, ни в родной город, ни вообще в свой мир. Вот и Маша, студентка-третьекурсница, тоже не думала, а взяла и попала прямиком из московского подъезда в средневековую Риоллею. С большой головой, на шпильках и в домашнем халате. Уж попала так попала! И ни тебе принца на белом коне, ни доброй травницы со словарем в кармане. А есть стылая малосимпатичная реальность – булыжные мостовые и черепичные крыши северного города на берегу моря, незнакомый язык и недружелюбные, а то и просто опасные аборигены. Впрочем, принц тоже будет... но потом! А что делать обыкновенной студентке сейчас? Надо как-то выживать... ..Над ни о чем не подозревающим городом занималась заря технической революции.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	61
Глава 5	77
Глава 6	93
Глава 7	110
Глава 8	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Надежда Кузьмина

Попала!

Хочу сказать спасибо тем, без кого эта книга не была бы написана. Семье, которая давала мне силы и стойко терпела мой полный отрыв от окружающей реальности и бурчание: «Я пишу... Я думаю... Я правлю...» Помогавшей в редакции Маргарите Суменковой, мужественно боровшейся с живущим во мне мастером Йодой. И наконец моей подруге Елене, без нее я никогда бы не начала писать книги.

Все-таки в словосочетании «кривошипно-шатунный механизм» есть что-то истинно российское.

Глава 1

– Говорят, что полезно для здоровья ходить босиком.

– Да, действительно. Когда я утром просыпаюсь в ботинках, у меня ужасно болит голова.

Праздники, конечно, штука хорошая. Если вовремя остановиться. Вот только чаще всего это самое «вовремя» бывает видно задним числом. Тем самым, когда поутру про-

сыпаешься одетая, в неснятых неудобных туфлях и с вооруженной отбойными молотками бригадой таджиков-ударников в голове. И, отправившись в поисках зубной щетки в ванную, обнаруживаешь, что та полна холодной воды, в которой, словно жемчужные гурами в аквариуме, плавают впере-мешку отклеившиеся с бутылок этикетки от дорогого «Мар-тини» и дешевого портвейна. А на пустые бутылки, зачем-то спрятанные за шторами, натыкаешься потом целую неделю.

В этот раз все пошло вразнос еще с вечера. Отмечали в моей крохотной двушке, доставшейся по наследству от бабушки, конец сессии. Теперь мы – третьекурсники, и это звучит гордо! Второй повод для радости – впереди целое свободное лето! А еще оказалось, что белобрысый Петька с Анечкой собрались пожениться. Когда они сообщили, что завтра пойдут подавать заявление, все обрадовались и решили, что надо отметить это отдельно. Тут же Андрей с Артемом рванули в соседний круглосуточный магазин, обсуждая по пути невероятность русского языка, позволяющего наворачивать лингвистические конструкции вроде «решили по-слать сходить купить выпить». А что им не нравится? Все ж понятно?

Принесенное горячительное и марьяжные планы влюб-ленных настроили народ на лирический лад. Мне это вы-шло боком. В самом прямом смысле. Здоровый как медведь Роман, вызвавшийся помочь мне на кухне, притиснул меня этим самым боком к угловатому буфету и попробовал обло-

бызгать. К Роману я чувств не питала, а потому сначала вяло отмахивалась, потом взяла в руки кухонное полотенце и накрыла им Романову голову. Он как-то и не сопротивлялся, только хихикал. Даже тогда, когда я развернула его за руку и вытолкала в коридор. Где тот и натолкнулся на ищущего туалет Петьку. Его и поцеловал.

Потом пели, во что-то играли, предлагали сходить на соседнюю площадь и влезть на статую русской тройки, которую местные упорно звали «три коровы», рвались пускать самолетики из конспектов с балкона, но решили, что мусорить нехорошо. Потом снова пели, пока не позвонила соседка снизу с вопросом: «Мария, ты что, стаю волков завела? Так хоть накорми! А то так жалостливо воют, что сил слушать больше нет!»

В общем, полпервого ночи, чтобы успеть в метро, народ стал расходиться. Романа увели под руки, остальные шли более-менее сами. Договорились, что отоспимся и созвонимся – надо ж Петькино с Аней заявление отпраздновать, да?

Закрыв дверь, я с облегчением вздохнула... Ну, сейчас приберусь начерно и спать, спать, спать...

С чего начать? Ясен пень – с выноса вонючего. Всякие селедочные хвосты и прочая недоеденная закуска способна создать к утру непередаваемое амбре на кухне. Жаль, посуду сейчас не помыть – в том состоянии, что я сейчас, перебыю половину на фиг. А как обидно-то бить уже вымытое! Да и излишков посуды у меня в доме нет... Так что аккуратно от-

несла небольшими порциями все со стола в мойку и начала наполнять обедками ведро. Обнаруженные бутылки сволакивала в прихожую – оттащу потом к мусоропроводу, оттуда их кто-нибудь заберет.

Гм-м... А почему я это делаю в праздничной одежде? Чтоб чище была? А раздеваться лень... Вот как вынесу мусор, тогда разденусь. И спать, спать, спать... А сейчас, чтоб не заляпаться – протянула руку к крючку на стене – и надела поверх шелковой блузки и черных бархатных брючек в обтяжку полосатый длинный халат с пояском вперехлест. Страшный – жуть. И еще более жутко удобный – с рукавами три четверти, чтобы не махать обшлагами по пейзажу, когда занята чем-то полезным – ну, там посуду моешь или пыль вытираешь. А еще эта хламида была теплой, что приятно зимой, длинной – до лодыжек, и с кучей карманов такого размера, что арбуз влезет. Ну, может, и преувеличила, не арбуз, но дыня точно. Был даже один верхний карман, как у мужских рубашек. Туда я клала во время уборки документы, которые неведомая сила регулярно раскидывала по всей квартире. Вот и сейчас что-то лежит: судя по размеру – студенческий.

Ладно, халат – это хорошо, но от выноса ведра не отвертись. И имелась здесь такая тонкость. Мое жилище было расположено в конце длинного тамбура на четыре квартирки. То есть до площадки с мусоропроводом топать и топать. А в квартире напротив моей обитал поэт Сева – существо

не от мира сего, по ночам не спящее, но с кучей мужских и творческих инстинктов. Как-то я вышла вот так с ведром, а вернулась – глядь! – Сева с честными глазами уже на моей кухне сидит. И лопает приготовленное на завтра мясо прямо из сковородки.

«Я, – говорит, – стихи для тебя написал! Хочешь послушать?»

Я не хотела. Но пришлось.

С тех пор дверь я захлопывала, а ключи брала с собой.

Так. Ведро загружено. Ключи в руке. Цель – мусоропровод. Потопала. А почему спотыкаюсь на лестнице? Потому что, оказывается, до сих пор на каблуках. Бывает... Ну, может, и хорошо. Вон прямо у трубы какая-то масляная лужа. Что б я тут делала в тапках?

Похвалив себя за развитую интуицию, подсказавшую оставить на ногах туфли, брезгливо потянула двумя пальцами за ручку мусороприемника. Ничего. Похоже, заело. Взялась покрепче и дернула еще раз. Скрежетнуло и застряло. Вздохнула. Поставив ведро рядом, пнула чертов мусоропровод и рванула изо всех сил с воплем: «Сим-сим, чтоб тебя!» Сим-сим открылся. Совсем. В смысле, распахнулся и отвалился. Чуть мне не на ноги. Отшатнувшись, поскользнулась в той самой масляной луже, помянула Аннушку, помахала руками, как ветряная мельница крыльями, пытаюсь сохранить равновесие, наклонилась вперед и завершила путь, об-

няв трубу прямо над черной дырой на уровне чуть ниже пупка. Но на том дело не закончилось. Стоило мне брезгливо отшатнуться от отнюдь не блестящей чистотой конструкции, как мой студенческий, от рывков вывалившийся из мелкого верхнего кармашка, красиво шлепнулся прямо в черную дыру. И зацепился за шов на перегибе трубы.

Слов не было. Представила себя в учебной части, как подаю нашему начальнику курса заявление с объяснением, что мой студенческий в результате катаклизма сгинул в мусоропроводе. Представила его лицо. И, вытянув вперед руку, полезла головой вперед в отверстие.

Если б я не перевесилась через отвалившийся ящик, если б не сидела перед тем на модной диете четыре месяца подряд, если б подметки моих туфель «Габор» не оказались перемазанными маслом, если б не святая, непонятно на чем основанная вера, что в мусоропровод может загреметь только кошка, и то самая дурная...

Меня как засосало внутрь. А может, как потом уже я думала, и вправду засосало. Я успела схватить студенческий, сжать в другом кулаке ключи от квартиры – вот не хватало только, чтоб они выпали! – растопырить локти и колени, чтоб затормозить, прикинуть, что падать не так уж высоко – всего-то четвертый этаж, а мусора внизу наверняка целая мягкая гора. А затем стало темно. Совсем. Сначала в глазах, а потом я отрубилась вовсе.

Судя по запаху, очнулась я на куче мусора, как и ожидала. Вот только не внутри своего дома. Над головой наливалось влагой серое, беременное дождем небо. Где я? Может, меня не заметили и вывезли на свалку? Бред какой...

Огляделась. За спиной глухая каменная стена дома, высотой этажа в три. А дальше виден край черепичной крыши. Черепичной? Да у нас в районе отродясь такого дива не было. Я и сама-то черепицу только в Таллине видела. Но не мог же мусоровоз отвезти меня в Таллин? Или мог? Потому что напротив углом сходились еще две глухие серые каменные стены каких-то строений, также крытые красной глиняной черепицей. И в воздухе, перебивая запах мусора, тоже чувствовалось что-то этакое, напоминавшее о море.

За углом слышался громкий мужской голос. Потом раздались уверенные шаги. Даже не шаги – топот. Я испуганно заозиралась – к встрече с шумным незнакомцем готовой я себя ну уж никак не чувствовала. А куда деваться-то? Три стены, забор, здоровенная куча мусора, на вершине которой я и окопалась... ага, вон разодранная ивовая корзина с ошметками капустных листьев. Бррр! Может, не надо? Голос что-то рявкнул, в ответ слышались то ли женские, то ли детские всхлипывания. Ой, чую, надо... Подтянула к себе корзину, прикрылась. А потом, по наитию, вытащила из ку-

чи деревяшку – похоже, сломанную ножку дубового стола.

Из-за угла вывалился чудно одетый мужик средних лет. Нестриженный, усаый, с плащом через плечо и в сапогах. А за руку он волок столь же странно одетую девуцу – в длинной юбке и каком-то безумном чепце с хлопающими белыми ушами. Дурь полная – такое носить! Монашка, что ли?

Но, судя по тому, что мужчина собирался делать, монашкой он странно одетую особу не считал. Огляделся, недовольно сплюнул на влажную землю, а потом развернул малолетку – на взгляд я ей дала лет пятнадцать – носом в угол, нагнув и заставив опереться руками о стены, и задрал сзади юбку до талии.

Переходящие во всхлипывания вопли девочки: «Ниэ! Ниэ!» – принять за выражение восторга или согласия было трудно. Мужчина хлопнул с размаха по голой ягодице перед собой, довольно хохотнул и стал развязывать штаны. Где я? Это точно не Таллин, а происходящее – не кино. Но где бы ни была, спокойно смотреть на то, что происходило всего в нескольких шагах, казалось невозможным.

Съехав на заднице по влажной куче, в три шага оказалась за спиной пытающегося пристроиться к подвывающей малолетке насильника и с размаха, стараясь не думать о том, что делаю, опустила дубовую хреновину на его макушку.

Громко. Девуца как-то резко, будто это я ее приложила, перестала выть, обернулась, выпучила глаза и приготовилась заорать. Мужик, у которого глазки съехались в кучку и зака-

тились, валялся у моих ног. На что была похожа я, сказать не берусь. Судя по реакции спасенной, мужик ей был однозначно милее. Так и не завопив, девчонка рванула за угол, прочь от меня.

Ага! Ясно. Надо тоже делать ноги, и быстро. Или снова зарыться в кучу мусора и подождать, что будет дальше? Или бежать? Маша! Если не возьмешь себя в руки, этот тип, как очнется, тебя носом в угол поставит. Хочешь? Ой, не хочу... Но все же, ГДЕ Я??? КУДА Я ПОПАЛА???

Так, бритву Оккама на философии учила? Вот и считай, что попала туда, куда Макар телят не гонял...

И шевели, шевели и мозгами, и ногами! И руками тоже! Правильно! Кожаный кошель с его пояса себе в карман халата, и плащ, плащ с него тяни... Мужской, женский – потом разберешься. Все лучше, чем твоя полосатая шкура давно вымершей саблезубой тигрицы... Ага, стащила, а теперь тащи мужика за ногу к куче. С глаз долой, и пусть полежит на мягком, отдохнет. Может, еще сапоги снять? Эх-х, у него на вид сорок четвертый, а у меня тридцать седьмой – не катит. Капустными листьями припорошила, в плащ замоталась и ноги, ноги...

* * *

Нет, ну умом я понимала, что, скорее всего, я в каком-то городе и за углом должна быть улица. Что мой родной мусо-

ропровод с отломанным ящиком и забытым ведром растаял в голубой дали... но не так же!!! Нормальные люди попадают в другие миры через проколы в пространстве, уведенные за руку прекрасными эльфами или, наоборот, плечистыми демонами. Ну, в крайнем случае, падают под поезд или находят таинственную дверь в подземелье. А я? Глупо-то как! Дурее было б только, если б в унитаз смыло!

А из этого непреложно следует, что ни чудесного коня с мечом-кладенцом, ни дракона с влюбленным принцем – или принца-дракона, уж как получится, ни доброжелательно настроенной колдуньи, которая вложит мне за одну ночь из чистой бескорыстной гуманности в голову три местных языка и мироустройство в придачу, мне не видать. А чего ждать от аборигенов, я уже поняла. Кстати, а с какого перепуга я взяла, что тут есть какая-то магия? Потому что сюда попала неведомо как? Ну, аргумент, конечно, но шаткий. Ведь я попала не только сюда, но и от себя – а какая у нас магия... эх-х! Всякий знает.

За углом действительно шла улица. Крутая, мощенная булыжниками. Только на шпильках и ходить. И с нее открывался панорамный вид на город, раскинувшийся на берегу широкого залива. Море черепичных крыш с поднимавшимися из труб дымками, высокий замок готических пропорций на горизонте и стоящие в гавани десятки парусных судов. Ох, точно не Москва и не Таллин... Если только не глючу, лежа на носилках в «Скорой помощи» на пути в Кашенко.

Так, что дальше? Первая задача – найти безопасное место и попытаться придумать план действий. Часть этой задачи – не попасться на глаза местным силам правопорядка. Вряд ли меня похвалят за прихватизацию чужого кошель и плаща. А вдруг тут вора́м руки рубя́т? Мир-то какой-то отсталый – ни одного фонаря вдоль улиц, даже газовых, и то не видать! Вторая задача – посмотреть, как выглядят местные, и постараться стать похожей. Ну, насколько сие возможно. Третья – поискать добрую самаритянку. Или самаритянина, уж как выйдет. Наверное, надо сделать что-то полезное: ну, там, от воров спасти, из-под колес кареты вытолкнуть... Ага, насмотрелась голливудских фильмов, размечталась. А кареты-то здесь есть? И лошади? Да еще вопрос – а на каком языке тут изъясняются? «Ниэ» – это «нет» по-каковски? Я такого точно не знаю.

Пока думала, брела тихонько вниз по улице, стараясь не привлекать внимания. Мужик был рослым, его темно-серый плащ удачно скрыл меня в моем экзотическом халате от шеи до пяток. Забеспокоилась – а вдруг в плаще блохи? Да нет, вроде никто не кусается. И, если кошель такой набитый, наверное, хозяин чистый. А вот я на что похожа? Вон женщина мимо прошла, как-то нехорошо посмотрела и отвернулась. А в чем дело?

Через пару минут сообразила в чем. К вечеру я нарядилась. А любая тушь, самая трижды водостойкая по рекламе, все равно рано или поздно оказывалась у меня не на ресни-

цах, а под глазами, превращая в гибрид панды и карикатуры на Веру Холодную. Да еще яркие тени... хорошо, хоть помада «съелась» еще за ужином. И ужин – тоже хорошо. По моему субъективному времени выходило, что я налопалась под завязку всего час назад.

И вообще плюсы есть. Куда бы ни попала, а на вид почти как Европа. Все не к папуасам на острова или к зеленым человечкам на Марс. И несколько встречных выглядят почти привычно – русые, как и у меня, волосы, светлая кожа. Хорошо, что в этом году из-за запарки с учебой я еще позагорать не успела. Но косметику надо смыть, и срочно! Вон еще одна сделала явно отвращающий зло знак.

Заметив полутемную арку, рядом с которой стояла наполненная дождевой водой бочка, свернула туда. Так... «А что у нас в кармасах?» – спросил Горлум. Студенческий, ключи от квартиры, расческа – ура! – торжество цивилизации, пара леденцов «Стрепсилс», пробка от винной бутылки, карандаш, носовой платок... ага! Он-то нам и нужен. Обмакнула беленький квадратик в бочку с казавшейся чистой водой. И отвернулась к стене. Все же снятие косметики – дело не публичное. Точно! На платке остались черные следы – тушь была где угодно, но не на ресницах. Вывернула платок, протерла лицо снова. Ага, теперь чисто. А волосы? Что – капустный лист на макушке? Ну да, при переходах через пространственно-временной континуум такое случается.

Пока расчесывала волосы – грива у меня до талии, запле-

тала в косу, закалывала снова на голове, — думала.

Ситуация аховая. Куда идти — неведомо. Языка не знаю. Обычаев тоже. Разум подсказывал, что лучше оставаться в городе. Можно, конечно, выйти в соседний лес и попроситься в ученицы к доброй старушке-травнице... ага! Где тот лес и та старушка?! Скорее, нарвешься на трех дюжих поселян, соскучившихся на сенокосе или лесоповале. Уж если тут в городе такое, то что в диком лесу-то?

Бродить по улицам, пока не устану? Тоже смысла нет. Ночевать же где-то придется. А умаюсь днем, так засну ночью. Тем более что по личному времени мне уже третий сон видеть полагается. И сейчас зевать хотелось так, что челюсть выворачивало. Значит, надо найти тихий угол и поспать. А перед этим спрятать все ценное — ключи, студенческий, кошель, цепочку с кулоном с топазом с шеи — так, чтобы никто найти не мог. Вроде звучит разумно. Вот только где то место?

А куда, кстати, ведет эта арка? Вот поворот — это хорошо. Значит, с улицы меня не видно. А решетка впереди — плохо. Но не особо солидная — не до свода арки. Я точно по верху пролезу. Даже не снимая плащ. Надо просто подоткнуть полы. И снять туфли. Только вот мне туда надо? Вроде да. Вон какой-то скверик. Или садик. А рядом стоит дощатый серый сарайчик с каким-то прислоненным к стенке инструментом, наводящим на мысль о родных граблях. И вокруг никого... Вот там и выплюсь! А назад всегда выбраться можно!

Сарай оказался на амбарном замке. Но зато в боковой стене, под крышей, имелось вырезанное в досках довольно широкое световое окно. Поширше жерла поглотившего меня мусоропровода. Так что вписалась я без труда. Внутри – ожидаемо – нашлось то, что обычно бывает в таких сарайчиках: дрова, стоящий в углу инструмент, рассохшаяся бочка, какие-то пыльные мешки и соломенная шляпа на ржавом гвозде. Но, главное, в углу было достаточно места, чтобы вытянуть ноги и сесть. И даже лечь.

Мешки, доложу вам, – не матрас IKEA. И даже близко не он. Положила три мешка на пол. Села. Поерзала. Жестко. Зато одета в три слоя, ревматизм точно нехватит! И шляпа теперь у меня есть. С плащом-то и такой шляпой меня запросто пугалом работать наймут! Вот и место в жизни нашла. Молодец, Маша!

Кстати, флора выглядела вполне обычно. Ну, вишни и одуванчики я точно опознала. Одуванчики? Значит, сейчас тут весна или начало лета. И в ближайшее время не будет холодов. Отлично – одной страшилкой меньше. Перевернулась на бок, носом к стенке, подтянула под плащом коленки к животу и закрыла глаза. Вдруг проснусь у себя дома? Тот же счастье!

Не только проснуться, но и заснуть толком мне не дали.

Не успела засопеть носом, как кто-то пнул меня в спину. Я попыталась уползти подальше, в угол... спать хотелось до

смерти.

– Элиа! Элиа! Харт!

Ну что за?..

Перевернувшись, подтянула к себе коленки и выхватила зажатую в кулаке расческу, наставив ее на разбудившего. Вообще-то перед сном я обнаружила в правом кармане вилку. Хорошую, мельхиоровую, с серебряным покрытием, производства Кольчугино. Но в кулак попалась расческа.

Стоящий надо мной черноволосый парень вытаращился на меня, на расческу, снова на меня... и заржал!

Обидно... но угрозы в том не было. Я, кое-как проморгавшись, с упреком уставилась в серые глаза.

– Сиа ар кнот?

В голосе слышался вопрос. Ну и каков будет мой ответ?

Вздохнув, универсальным жестом постучала костяшками пальцев у себя по голове, а потом по ближайшей деревяшке в поленище.

Парень неверяще уставился на меня.

Я снова вздохнула и постучала по голове и полену. И еще пожала плечами. Мол, прости, друг, но дал бы ты мне поспать, а не лез с утра с непонятными афоризмами.

– Сиа лезд?

Гм-м. А вот сейчас надо решить. То ли изобразить немую с амнезией, то ли амнезийную дурочку, но говорящую. Пожалуй, второе. Если я тут задержусь, а интуиция подсказывала, что так и будет, учиться говорить придется. А учиться

разговаривать молча не удавалось еще никому.

– Арвис. – Парень ткнул себя пальцем в грудь и вопросительно посмотрел на меня.

– Мария, – ответила я.

– Сиад кирэнэт?

– Не немая я, не немая, если ты об этом. Но по-вашему ни бельмеса, увы! Нихът ферштеен. Нот андестэнд. Понимаешь?

Парень присел на корточки напротив, протянул ко мне длинный палец. Ага, а ногти ничего – чистые, удлиненной формы, не обгрызенные. И форма кисти хорошая – длинные пальцы, узкое запястье. А у белой рубашки аккуратный необтрепанный обшлаг. На слугу этот Арвис не похож. Но это не значит, что можно пальцем мне в нос тыкать! Что делать? Расческой стукнуть по руке? Зубами клацнуть? Зашипеть? Кто знает, как тут спящие в чужих сараях приличные девушки должны себя вести?

Решив не доводить до экстрима, просто покачала головой и отодвинулась, не давая к себе притронуться. Парень понял, руку убрал. Потом показал на мешки на полу:

– Сиа лиу ориини эр?

Нашел о чем спрашивать, умник. Ну что, в третий раз по полену постучать?

Наверное, мои круглые глаза сами по себе стали ответом. Парень вздохнул, поднялся с корточек и шагнул к двери, показывая: «Пошли!»

Кряхтя, поднялась. Достала запрятанные под поленницу лодочки, надела на ноги. Арвис с интересом наблюдал на этим действием. Ну да, захватывающее зрелище – смотреть на девушку с бодуна, которая себе бок отлежала. Цирка у них, что ли, тут нету? Ой, а если б он мой полосатый халат увидел... Сглотнула нервный смех. Рано радуешься – может, он тебя властям ведет сдавать за покушение на фамильную тяпку!

Так. Хорошо. От сарая мы повернули не к запертым по-прежнему воротам, а к дому. Дом как дом – каменный, серый. Три этажа плюс мансарда. Наверху крыт черепицей. Откуда-то слышно воркование голубей...

Вошли внутрь. Деревянные панели, впереди через полураскрытую дверь виден кусок комнаты со столом и стульями с резными высокими спинками вокруг него. Но мы туда не пошли, а свернули на узкую лестницу. Шесть пролетов вверх – и мой провожатый толкнул скрипнувшую деревянную дверь. Ага, мансарда. Комната с одной скошенной стеной, метров двадцать пять размером. Два выходящих на крышу окна. Одна дверь. Кровать у стены, стол, стул, здоровенный сундук, шкаф, грубо сколоченные полки, на которых – о радость! – стояли книги. Оглянулась на спутника – тот кивнул. Зашла внутрь и прошла к окну. Ага! Так я и думала! Вот как он меня увидел – сверху сарай и то самое окно, в которое я нырнула, были как на ладони...

Ну, ладно. А дальше-то что? Оглянулась на Арвиса. Вот похож он на доброго самаритянина или не очень? Высокий. Наверное, метр девяносто или даже чуть выше. Черные, слегка волнистые волосы ниже плеч. Светлая кожа. Приятное удлиненное лицо с прямым носом и решительной челюстью. Не красавец, но что-то есть. Во, сообразила, чем-то на Кеану Ривза смахивает. Не самое плохое сходство. И видно, что любит смеяться. И что не дурак. И не слабак – плечи-то вон какие! И на стене висит какая-то острая фигня – сабля не сабля, шпага не шпага. Но ясно, не капусту шинковать.

Ага. А книги, кстати, в те времена однозначно были знаком благосостояния. Но живет в мансарде. Не понимаю. Студент, что ли? Судя по рукам, из хорошей семьи. Ладно, рискну. Все равно других вариантов нет, а спать по-прежнему до смерти хочется.

Посмотрела на Арвиса, который с таким же пристальным интересом разглядывал меня. Ну, и что дальше?

– Мэрия!

Блин! Да еще и ударение неправильно поставил! Ну нет, я – точно не она!

– Ма-ри-я, – выговорила четко, по складам.

– Ма-ри-э, – повторил парень.

Я кивнула, сойдет.

Арвис подошел к кровати и похлопал по ней рукой, явно предлагая присесть. Гм-м... Это мне предлагают отдохнуть или в том есть что-то еще? На всякий случай замерла у окна,

как памятник железному Феликсу. И сделала строгое лицо.

Он вздохнул, снова похлопал по кровати, а потом плавно переместился на стул у письменного стола. Ага, вот так пойдет.

Подошла к кровати. Не широкая. Сантиметров восемьдесят. Если задержусь тут, будем спать в две смены. Не иначе. Потыкала пальцем. И задумалась: вот сейчас сниму этот в общем-то пристойный по здешним меркам плащ, а под ним – перемазанный вонючей гнилой капустой полосатый домашний халат. С карманом, из которого торчит серебряная вилка. Ага! А под халатом – еще чудесатее – жемчужного цвета блузка с кружевным жабо и парой полупрозрачных вставок в интересных местах и брюки в обтяжку, какие – спорю на тот готический замок на горизонте! – здешние мамзели не носят.

Вот и вопрос – меня после этого не спустят вниз по лестнице? Или, наоборот, не захотят посмотреть, а что там такое интересное показывает моя блузка?

Стою столбом, уставилась на вожделенную кровать. Парень пялится на меня.

Пат.

– Ориини эр! – и показывает пальцем на постель.

Если «ориини» – спать, то «эр» – здесь? Тогда внизу он спрашивал меня, собиралась ли я спать на мешках. Похоже. Ткнув пальцем в него, произнесла:

– Арвис.

Закрыла двумя ладонями глаза и отвернулась к стенке.

Снова посмотрела на парня. Тот откровенно смеялся. Потом зажмурился и таки ж отвернулся.

Ну что ж, поверю! Скинув плащ, развязала пояс халата. М-да, пока не постираешь, снова это не наденешь. Свернула любимую полосатую шкурку карманами внутрь и аккуратно положила на пол рядом с сундуком. Потом задумалась – а дальше что? Плащ на голое тело? Неведомо чей? Точнее, это-то как раз ведомо – фу-у, да никогда! Значит, остаюсь в чем есть. А плащом накрываюсь сверху.

Сняла туфли. Надетые под брюки колготки решила не трогать. А вот выяснить, где ж тут, простите, туалет, не помешало бы. Неужели во дворе? Вот ужас, если так! Пока не критично, но в принципе было б неплохо узнать. Забралась на постель поверх одеяла – все же в уличной одежде, внутрь лезть ни к чему. Ничего, довольно мягко, без комьев под боком. А уж после сарая и вовсе рай! Хихикнула над каламбуром и потянула на себя плащ.

Арвис принял мой смех за разрешение обернуться. И успел увидеть мою ногу в черной штанине и светлый рукав с кружевами. Наверное, по здешним меркам одежда была сильно нестандартной, потому как он вскочил, в два шага оказался рядом и дернул на себя мой плащ. Я зашипела, как кошка, и вцепилась в полу, как голодный клещ в эту самую кошку.

– Низ!!!

– Сиу дилиэни эд?

Это что, удивляется, что я что-то осмысленное изрекла?

– Мария дилиэни ниэ!

Ну вот, говорю о себе в третьем лице, как какой-нибудь Пятница. Если я верно поняла то, что говорилось до этого, сейчас я заявила, что «Моя говорить нет». А если неверно... ну, тогда я сообщила ему что-то другое!

Кажется, известие, что я способна к обучению, переплюнуло мой экзотический наряд. Парень отпустил плащ, который я тут же подтянула к себе, и плюхнулся на край койки. Уставился на меня.

– Эд! – кивнул головой. – Ниэ! – покачал из стороны в сторону.

Ага, ясно. «Да» и «нет». Уже легче.

Подложила ладонь под голову. Закрыла глаза.

– Ориини?

– Эд.

– Дилиэни? – открыла рот и изобразила «бла-бла-бла».

– Эд.

Задумалась, чем бы еще осчастливить Арвиса? Зевнула. Подтянула на всякий случай еще немного плащ и заявила:

– Мария ориини эд! Харт!

Арвис засмеялся и встал. Похоже, первый контакт прошел нормально.

Глава 2

И что ты скажешь, физика? Охлаждение отношений между людьми как следствие трения между ними.

Е. Лец

Когда проснулась, за окном уже стемнело. А я по-прежнему была не в своей кровати в девятиэтажке в родном спальном районе, а в непонятной мансарде фиг знает где. Осмотрелась – на стенах покачивались тени, отбрасываемые пламенем трех свечей, стоящих в подсвечнике на столе. А свечи хорошие, вон, никакой копоти, мимоходом отметила я. Похоже, Арвис не нищ. Тогда, может, мне повезло. Если я задела его любопытство, а у парня есть средства на его удовлетворение... то мне надо подольше сохранять тайну. А то расскажи, что сама студентка, которая после пьянки рухнула в мусоропровод, – и прекрасная завеса флера товошь. Кулдык. Как сон, как утренний туман...

Сам Арвис в просторной светлой рубашке писал что-то, сидя за столом. Но, услышав, как заскрипела кровать, обернулся. Потом встал и пересел ко мне. Я на всякий случай подтянула колени к подбородку и натянула плащ до ушей. Как выяснилось, не зря. Парень протянул руку так, чтобы приобнять меня за плечи, и наклонился вперед с явным намерением поцеловать.

Не знаю, чего он ждал от меня, но явно не кулака под дых и возмущенного шипения.

Меня что, занесло в рай для сексуальных туристов? Наверное, на моем лице было написано непритворное возмущение. Потому что придавивший меня к кровати Арвис разочарованно протянул:

– Ниэ?

– Ниэ! – клацнула я зубами.

А жаль. Придется одеваться и тихо сваливать отсюда. Ладно, ищем в происшедшем позитив. Я все равно в плюсах – узнала пяток новых слов и выпалась. А халат сейчас потихому отстираю в той дождевой бочке.

Не обращая больше на парня внимания, накрутила на себя плащ. Спустила с кровати ноги, нашаривая туфли. Встала. Подняла с пола свой сверток. И молча пошла к дверям. Дернула за ручку – открыто, хорошо. Повернулась к Арвису.

– Спасибо! Данке! Фэнкс! Мерси! Аригато!

Поклонилась в пояс. Потом открыла дверь и сделала шаг за порог.

– Мариэ, сиа гиатель харт? Алуна! – ткнул пальцем в окно.

Ну вот, еще слово – «гиатель». Почти наверняка «идти» или «пойдешь». А последнее – то ли «темно», то ли «ночь».

– Халат пойду стирать! И искать туалет в вашем прекрасном городе!

А что тут еще скажешь?

Невероятно, но он как-то понял сказанное. Заржал, а по-

том, встав, распахнул прятавшуюся за боковиной гардероба дверцу. Взял подсвечник, извлек оттуда одну свечу и, помавив меня пальцем, зашел внутрь.

Я задумалась. Уходить ой как не хотелось... Все же ночь, незнакомый город, неизвестная эпоха. Языка не знаю, обычаев тоже. Документов нет, статуса нет. Зато есть что отнять – от кошеля и цепочки с топазом до куда более близких к телу вещей. А Арвис казался неплохим. Ведь он же, если б захотел, мог скрутить меня в бараний рог с какой-нибудь тридцать пятой страницы Камасутры, и ничего б я не возразила. Разве что припрятанную в штанах вилку попыталась куда-нибудь воткнуть. Интересно, считается ли это тут превышением пределов необходимой самообороны?

– Арвис? – позвала от дверей.

Из проема выглянула темная голова. Вопросительно посмотрела на меня.

– Мария Арвис ориини ние! – сообщила я твердым голосом, ткнув пальцем в сторону кровати.

– Эд, – спокойно отозвалась голова и исчезла снова.

Так. Для себя я перевела Арвиса на следующую ступень социальной лестницы. Наверное, это все же не первый попавшийся чердак. Либо в этом диком городе с безумными модами на ушастые чепцы принято вести канализацию до крыши. Нет, не вяжется. Канализация на чердаках есть, а нормальных помоек нет? Значит, дело в самом Арвисе. За-

помним этот фактик, ага. Но это все потом...

Отняв у парня свечу, вытолкала его за дверь. Ага, вот сейчас и себя приведу в порядок, и постираю! И куда бы повесить теперь халат? Ни веревок, ни плечиков, ни крючков. Ну ладно, возьму с собой в комнату.

Когда час спустя я появилась с мокрой головой, красивая, как выдра после купания, но опять в плаще по шею, Арвис прикусил губу. Я прошествовала мимо и, встряхнув мою полосатую шкурку, расправила, как могла, на подоконнике.

Интересно. Наверное, я его действительно заинтриговала. Потому что парень, предложив мне глиняную кружку теплого бульона с пряностями, сел верхом на стул, положил на спинку руки, а на них подбородок и стал меня учить словам.

Сначала я обрадовалась.

Ходить, лежать, стоять, сидеть, я, ты, свеча, стол...

Я прирастала знаниями с просто-таки обалденной скоростью. И скоро поняла, что запомнить этого всего просто не могу. Чай, не компьютер. А что делать?

Подняла руку с раскрытой ладонью.

– Арвис дилиэн ние! – Ага, помолчи немного, дай с мыслями соберусь!

Встала. Прошла к столу. Отлично, лист чистой бумаги! А карандаш у меня есть! Ихними перьями я б сейчас рисовать не рискнула – не хочется извозиться, когда только что отмылся. А карандаш – то, что нужно.

Ткнула пальцем в лист:

– Эд?

Арвис кивнул:

– Диат.

Интересно, это «можно» или «возьми»? Сейчас разберемся.

Подошла к нему:

– Элиа! Харт!

Ага! Брови полезли на лоб. Похоже, то, что он сказал мне в сарае, было не самым вежливым из возможного. Но понял и стул освободил.

Заняв теплое еще место, подставила подсвечник поближе и начала, пока не забыла, русскими буквами писать слова. Делать это старалась убористо. Фиг знает, может, тут бумага в цене. Или завтра с утра мне под зад дадут.

Арвис, присев на край стола, склонил голову и с полуотвисшей челюстью смотрел на то, как я бисерными печатными буквами заполняю лист.

С алфавитным порядком решила не заморачиваться. Зато теперь, не рассчитывая только на память, можно было вытянуть из парня намного больше. Хотя со сложными понятиями вроде «студент» или «дворянин» разобраться пока не выходило.

Но зато он понял, что я не отсюда и в городе никого не знаю. Город, кстати, звался Риоллеей и был столицей какой-то там Аризенты. Мала та Аризента или велика, осталось покрыто мраком. Решив, что базовых понятий с меня

хватит, переключила парня на цифры. Ух, слава всем богам и Биллу Гейтсу в придачу – считают тут в десятичной системе. А то б я попрыгала! Теперь Арвис отнял у меня лист и пером – единственный карандаш я ему доверять не собиралась, а с боем он у меня его отнимать не стал – аккуратно стал писать столбиком цифры. Я рядом карябала, как это произносится, и наши арабские рядом. Потом разобрались с арифметикой: умножение – оно и в Африке умножение. И в этой, как ее, Аризенте, тоже.

Мы дружно сопели над листом бок о бок, пока парень неожиданно не повернул голову и не поцеловал меня в щеку. И тут же, притянув к себе, накрыл губами рот. Не сказать, чтоб это было плохо – от него пахло свежестью, здоровым мужским запахом, и целоваться, похоже, он умел. Да только для меня это было совсем не то, что нужно. Получалось, мою просьбу не приставать он всерьез не воспринял. А считает, что если я осталась с ним на ночь, то это именно осталась на ночь. И никак иначе. А может, тут вообще с женщинами не принято церемониться.

Что ему до моих чувств котенка, потерявшего и дом, и кошку-маму?

Я замерла истуканом, сжав губы. Не помогло – он продолжал удерживать меня, а вторая рука начала распутывать узел плаща. Не хочу! Ниэ! Зажмурилась и укусила настойчивый рот. И тут же, не дожидаясь возмездия, вскочила со стула. Метнулась к окну, сдернула сохнувший халат – мое, не

отдам! – схватила лист со стола, карандаш и, пока парень ошарашенно смотрел на следы крови на пальцах, которыми коснулся подбородка, выскочила за дверь. Самаритянин, ага! Родом из Гоморры, наверное.

По лестнице я скатилась, как горох. Шумно, зато очень быстро. Ткнулась в дверь. Та оказалась, на мою удачу, на железном засове, а не на замке. Дернула. Язычок сначала застрял, как тот мусоропровод, потом рывком поддался. Может, сейчас сделаю шаг, окажусь дома и проснусь? Вот бы!

Куда там. За спиной послышались голоса. Женщина крикнула что-то вопросительное. Арвис ответил сверху. Ага, раз сейчас в окно не смотрит, вот и хорошо! Скинув туфли, рванула к воротам. Вскарabкалась по решетке, перевалилась мешком на другую сторону, соскользнула по прутьям вниз. Надела туфли – камни под босыми ногами казались жутко холодными и влажными – и дунула к улице.

– Мариэ!

Обернулась – мой недосамаритянин выскочил из дома. На летучую мышь в своей рубаше похож. Или на образцового голливудского вампира – ликом светел, волосом черен, глаза горят, с губ струйка крови стекает. Жуть! Кстати, насчет глаз я не преувеличила – казалось, что они и впрямь светятся в темноте голубым. Нифигасе! Не вампир точно – нашел-то он меня днем. А кто тогда? Ой! Увидел меня! Побежали, побежали, побежали... и куда подальше!

Вывернув из подворотни, рванула вверх по улице. И, про-

мчавшись мимо трех домов, нырнула в тень за высоким каменным крыльцом. Вжалась в стену, накинув на голову плащ. Серая на сером в глухой тени. Авось пронесет.

Сколько так сидела – не знаю. Тайна, покрытая мраком, так сказать. Потому что в итоге задремала. И проснулась от холода уже под утро.

Ага. Темно, туман. То, что надо! Потому как в моих планах значилось попробовать пошарить по дворам в надежде, что кто-то вывесил сушить белье, да и оставил на ночь. Мне позарез нужна была юбка! И чепец. Который с ушами. Раз тут все в таких ходят, и я в чебурашки-альбиносы запишусь. Тогда меня при встрече на улице не только Арвис, но и мама родная не признает!

Ну, и где тут чепцы развешаны? Вряд ли на улице. Скорее, в задних дворах. А проход туда идет либо через сами дома, либо через арки. Значит, ищу арку. И куда идти – вверх или вниз? Обычно внизу, ближе к гавани, селится беднота. А богачи выбирают холмы. То есть мне надо бродить где-то посередине. Чтoб и в криминальные трущобы не влезть, и в зажиточные районы, где полно стражи, не соваться. Значит, сейчас вниз.

Скукожившись в тени, переоделась. Сняла штаны, колготки, надела штаны назад. Колготки хотелось сохранить, а идти предстояло босиком, без цокающих по мостовой туфель. Греть не будут, а порвутся наверняка. Так что лучше снять. И теперь на них можно привязать за открытый мысок туфли

и повесить себе на шею, чтоб не мешались. А в руках превентивно сжать вилку. Серебро, кстати, от нечисти и нежити хорошо. Я читала!

Или плюнуть на эту нездоровую затею с кражей чепца и поутру пойти искать базар? Приду в плаще, послушаю, что говорят – цифры я теперь знаю. Деньги какие-то есть. На одежду хватит наверняка. А дальше будет уже проще. Сниму комнату подешевле и уж тогда соображу, как мне тут выживать. Ну вот, похоже на план!

Решила, что обойду три арки. Если ничего не сыщу, буду ждать утра. А пока надо под ноги смотреть. А то на ледяной скользкой брусчатке, да в тумане, да на крутой улице...

Далеко я не ушла. Меня рванули за руку в сторону смутно видной в тумане знакомой подворотни:

– Мариэ! Кувирш рахт!

Ой, похоже, то не комплимент! И, как только Арвис ослабил захват на правой руке, выкрутилась и ткнула в него вилкой. Судя по воплю – попала. И дунула вниз по улице, уже не смотря, куда ставлю ноги, и балансируя на мокрой мостовой, как та самая корова на льду. Впрочем, судя по непереводаемым идиоматическим выражениям, несущимся сзади, гамму незабываемых ощущений получала не я одна.

Маньяк! Он что, там всю ночь стоял, караулил? И знал, что я пройду мимо? И глаза голубым горят? Мама, домой хочу!

Улица раздвоилась неожиданно. Вправо так и тянуло. По-

этому я свернула влево, прыжком приземлилась за какую-то кучу и замерла, снова накинув на голову плащ. Могла б и не стараться. Туман тут был такой, что своей руки не разглядеть. Гулкие шаги приблизились и, уйдя вправо, стихли в отдалении.

М-да, пообщались, называется. Впредь не станет тащить к себе кого попало с улицы. Он, можно сказать, подобрал, обогрел, а его покусали, да еще вилкой ткнули.

Сердце колотилось где-то в горле. Потом заныла левая нога – похоже, долбанулась обо что-то твердое мизинцем. Больно! И холодно! И сижу опять непонятно на чем! Но назад на ту улицу я не пойду!

Шаги, уже медленные, слышались опять. Я затаила дыхание, как мышь, увидевшая кошку.

– Мариэ? Мариэ? Арвис Мариэ ориини ниэ!

Само собой, не будешь! Потому как виделись мы с тобой в первый и последний раз. Замерла, представляя, что я – лист капусты. Холодный, склизкий, полусгнивший, неинтересный даже голодному кролику. Пра-а-ативный такой! Представив, как выговариваю это слово вслух, невольно хихикнула. И зря. Шаги убыстрились и звучали теперь совсем рядом.

Прижав руки к колотящемуся сердцу, перестала дышать. Я – лист, лист. И вообще меня тут нет! Какого беса ему от меня надо? Вроде не урод, и деньги есть. Пока я спала, мог бы рассмотреть, если хотел. И не рассмотреть тоже. Но не

стал. Выходит, благородный? Полез целоваться только после того, как я проснулась. Но если я сейчас отзовусь и он ответит меня в мансарду, будет ли это он считать согласием?

Гм-м... Плюсы очевидны. Безопасность ото всех, кроме самого Арвиса, возможность узнать от него об этом мире, выучить язык. Может, даже кормить будет. Минусы тоже ясны. Если он решит, что я ему зачем-то нужна, может просто запереть – через окно на уровне четвертого этажа мне не выбраться, я не альпинист ни разу. И даже не трубочист. Мы специализируемся по мусоропроводам, ага! Так что, наверное, стоит попробовать походить по городу самостоятельно. Если быть осторожной и действовать, как задумала, можно выиграть время на изучение языка и адаптацию. А там уж соображу, чем заняться. А может, повезет, и просто проснусь у себя дома...

– Мариэ, миэ истили. Гиатель эри! Миэ виэлди лиу эр!

Ух, ты! Уже понимаю. «Мария, я жду. Иди сюда. Я знаю, ты здесь». А откуда, кстати, знает-то? Или это он наугад? А если нет? Судя по небу, через час начнет светлеть. Вот взойдет солнышко, а этот злой, невыспавшийся, вилкой травмированный тип узреет меня восседающей на куче черт знает чего. С отмороженными босыми ногами и замерзшей головой – волосы-то после мытья высушить нормально было негде! А на шее колготки с привязанными туфлями висят, ага. Незабываемое зрелище.

– Арвис Мариэ ориини ниэ. Миэ легати!

Обещает, что ли? Может, это и есть мой тутушный принц на белом коне, а я от него по помойкам удираю? Не оценила счастья, так сказать?

Где-то хлопнуло окно. Резкий звук вырвал меня из почти сомнамбулического раздумья, когда уже начало казаться, что встать и откликнуться – это самое правильное решение. Ну, нет. Попробую сама, а вот если не выйдет, тогда уж пойду сдаваться...

Растворились еще одни ставни, и сверху на улицу что-то плеснули. Судя по недовольному воплю Арвиса, ему досталось, да и жидкость была не шанелью номер пять или даже тривиальной мальвазией. Парень буркнул что-то под нос, а потом потопал к развилке улицы, откуда пришел. Шаги затихли вдали. Эх, отмываться пошел, завистливо подумала я. Но пора и мне подниматься. Ног уже не чувствую. Да и буду тут сидеть, тоже кто-нибудь обольет. Похоже, все же канализация в мансарде в этой Риоллее – приятное исключение.

Поднялась и кое-как, боком, сползла по куче на мостовую. Плохо. Ног не чувствую совсем. Значит, надо потопать и – пока не забыла, спрятать висящие на шее колготки с туфлями под плащ. Хоть бы солнце выглянуло! Замерзла, как цуцик. В ухе стреляет, горло болит, ступни ледяные. Ясно, ночевать при такой температуре и влажности на улице не рекомендуется.

Осторожно, озираясь, выбралась на перекресток. Никого.

Зато на доме напротив – табличка. Надо б запомнить, как выглядят хотя бы первые знаки. А то потом не найду. И еще нужно обязательно узнать сегодня у кого-нибудь дату. Почему-то казалось важным привязаться к месту прибытия и конкретному времени, словно это давало надежду на возвращение.

Через три дома вниз по улице темнела арка. Ну что, еще не поздно поискать способ стать чебурашкой? Скользя на мокрых от росы холодных булыжниках, засеменила туда. Зашла. Ага. Небольшой квадратный двор, куда выходят двери трех ближайших домов. Куцый стриженный куст на газоне величинной с одеяло. Бельевые веревки есть, но на них пусто. И вообще ничего полезного, кроме стоящей около одной из дверей метлы.

Вздохнув, выбралась на улицу. Наверное, стоит посетить рынок. А как? Слов вроде «покупать» – «продавать» – «торговать» я не знала. А если начать приставать к ранним прохожим с «мирэ – еда» или «паливанэ – одежда», могут и полицию позвать. Или тут какая-нибудь гвардия или стража? Гм-м... Чем дольше я этого не знаю, тем оно лучше. Но вид у меня уже не такой странный, как вчера. Пробегают глазами, отводят взгляд, но не шарахаются.

Ага! Вон горожанка небедного вида с пустой корзиной в руках идет деловой походкой. Не спешит, но видно, что знает, куда топает. Вот пристроюсь ей в хвост. Вряд ли она с пустой корзиной поутру в гости намылилась? И, кстати, по-

ка иду, неплохо б рассмотреть, в чем тут народ ходит. Что женщины покрывают головы, это я уже поняла. Интересно, это требование местной религии, этикета или обыкновенная практичность? – погуляй в таком климате простоволосой, живо менингит схватишь!

Мы свернули раз, потом другой. Улицы разветвлялись, кривились, изгибались. Сейчас шли снова в гору, и в ту же сторону, что и моя дама, двигалось еще несколько, тоже с пустой тарой. Ага. А ходят тут с корзинами или же матерчатыми сумками на жестком каркасе. Вот такая, пожалуй, мне и нужна – недосохший халат под плащом счастья не добавлял. Как и болтающиеся в районе подмышек туфли. На головах чепцы более или менее одинакового вида – с хлопающими на ветру ушами. Показали бы мне того затейника, что придумал такой фасончик... На плечах шали. Что же, вполне практично. Талии подчеркнуты – неужели носят корсеты? Возможно. Юбки как на картине Лиотара «Шоколадница». Может, чуть менее пышные. А что спереди? Фиг знает. Потом рассмотрю, как будет случай.

К идущим дамам добавились еще две или три, вывернувшие из переулков. А я озиралась – имелось еще одно дело, которое необходимо было сделать до того, как мы дойдем до торжища. У меня был кошелек, но я до сих пор понятия не имела, что в нем. Точнее, сколько в нем. А от этого зависело то, что я могла себе позволить. И, ясен пень, если б простоволосое чучело по имени Маша имело бы глупость присесть

на ступеньку ближайшего крыльца и начало считать деньги, поминутно суя нос в лист с записями, чтобы разобрать значки на неизвестном местным языке, ничем хорошим это бы не закончилось. Скорее всего, я б мгновенно оказалась у той самой стражи, знакомства с которой жаждала избежать всеми силами.

Так куда бы тут заныкаться? Вон какой-то скверик. Может, там что-то есть?

В самом сквере было пусто. В смысле, и сесть некуда, и от взглядов прохожих спрятаться негде. А вот за ним стоял двухэтажный дом под традиционной красной черепичной крышей и с какой-то вывеской рядом с закрытыми двухстворчатыми дверями. И, что интереснее, вдоль боковой стены шла деревянная наружная лестница, заканчивающаяся на задней стене дома огороженной площадкой у еще одной запертой двери. И окон тут не было. Ни в самом доме, ни в соседних. Садись на ступеньку и считай!

И все же я сомневалась. С кошельком мне нереально повезло. Потеряю деньги – потеряю шанс выжить. Сейчас, замотанный в носовой платок, он был спрятан в лифчик. И доставать его почему-то смертельно не хотелось. Ибо, если кто-то откроет дверь или поднимется по лестнице, деться мне будет некуда. Задрала голову. Если схватиться за выступающий косяк, поставить ступню на ручку двери, то я дотягиваюсь до крыши. И вроде вон за ту перекладину можно хорошо зацепиться. Если смогу подтянуться и меня не шандарах-

нет упавшей черепицей промеж глаз, то влезу на не слишком крутую крышу. И вот там-то можно будет посидеть. И полежать. И досушить халат, и согреться самой.

Машка-кошка, звали меня в детстве. Вот сейчас и проверим, кошка я еще или где? Оказалось, еще. Со скрипом, кряхтением и поминанием мам всех проектировщиков мусоропроводов в мире, но я влезла. Осмотрелась. Труба кирпичная, холодная, одна штука. Такого диаметра, что за ней Шрека спрятать можно вместе с его Фионой. Маленькое чердачное окно с грязным стеклом и паутиной – один экземпляр. Внутри видны серые доски пола и ничего больше. Может, туда попытаться просочиться? Вроде невысоко, то есть обратно выберусь без проблем. Решено, лезем.

Внутри оказалось пусто. Пара сломанных стульев, обломки неструганых досок, пыль на полу в полпальца. Вот и хорошо. Значит, сюда никто не заходит годами. Аккуратно ступая босыми ногами по доскам там, где на них виднелись шляпки гвоздей, подошла к двери и подпихнула один из стульев под ручку. Потом скатала комок паутины и забила ее в замочную скважину. Так и вопросов не возникнет, почему внутри ничего не видно, и ключ фиг провернешь.

Вернувшись по своим следам, достала из-за пазухи записи. Сначала повторяю слова, потом посчитаю деньги, потом проверю, как запомнила цифры, и пойду на рынок. Вроде разумно? А можно, кстати, еще и поспать. На досках после ледяных булыжников мостовой казалось замечательно тепло.

Мысль об отдыхе выглядела привлекательной, но проблем передышка не решила бы. Вздохнув, снова полезла за пазуху, за кошельком.

Само собой, я мечтала о золоте. Но того, что можно было с натяжкой принять за золотые, в кошельке оказалось лишь четыре штуки. С одной стороны профиль кого-то полустертого, с другой – абрис готического замка. Серебряные были разного достоинства – с цифрой «ак» – «один» на одной стороне и рыбой на другой. А у тех, где было выбито «сит» – «пять», на другой стороне было парусное судно. Серебряных монет насчиталось почти шесть десятков. Если в аках, так целых сто сорок штук. Мне представлялось, что это много. Медь тоже была разной. Мелкие аки, ситы покрупнее с веткой какой-то местной елки на них и литы, равные десяти акам. На последних красовался все тот же замок. Хорошо бы понять соотношение курсов между золотыми, серебряными и медными. Вряд ли простое один к десяти? Иначе неясно, зачем было печатать медные литы.

Так. Теперь надо рассовать монеты по телу так, чтоб никакой вор не добрался: из книг я знала – причем тут и средневековые писатели, и современные авторы фэнтези сходились во мнениях, – что на рынках водятся карманники. И при этом нужно оставить достаточно денег в доступном месте, чтобы расплачиваться за покупки. Вот знать бы еще, достаточно – это сколько? Сколько, например, стоит приличное платье? А эта жуть крахмальная ушастая?

Кстати, плащ я тоже вчера толком не рассмотрела. А карманы в нем есть? Оказалось, есть. Прорезные. Целых два! Просто вчера я заматывалась в него так, что карманы были где угодно, но не под руками. В одном завалялись две медные и одна мелкая серебряная монета. В другом – пара тонких кожаных шнурков непонятного мне назначения и амулет из камня, похожего на тигровый глаз. Но самый интересный результат дало ощупывание плаща по периметру. В подоле было что-то зашито. На ощупь – монеты. Дюжина. Решила пока их не трогать, все равно лучшего места не найти.

В один из карманов плаща переложила десять серебряных аков и пару ситов. В другой насыпала меди. Остальное серебро заныкала в карманы штанов, уже оттопыренные ключами, цепочкой и студенческим. Обмотала вокруг талии так и не досохший халат, чихнула, сама испугалась звука. Сунула за щеку одну из конфеток «Стрепсилс» и, запахнувшись в плащ, полезла на крышу.

Выбравшись, осторожно, не поднимаясь с корточек, осмотрелась. Небо было уже совсем светлым. Может, и солнце выглянет? Не угадаешь. То ли это марево развеется, то ли наоборот, превратится в пелену облаков. Это в Москве учишься автоматически прикидывать, тащить ли с собой зонтик. А рядом с морем, в незнакомом мире? Ну ладно, вот и посмотрю. Хотя дождь мне сейчас совсем-совсем без надобности.

Привстав, взглянула в сторону сквера. Ага, вон улица,

по которой я пришла. И горожанки продолжают идти целеустремленно, как лосось на нерест. Или браконьеры за икрой. Мне тоже туда. Так, а с какой стороны та лестница, с которой я сюда забралась? Вроде вон там.

Хорошо, что передвигалась я на четвереньках. И то еле успела распластаться по крыше вниз головой, услышав на лестнице чьи-то шаги и слегка фальшивящее посвистывание. Осторожно приподняла голову. Подо мной к двери прошел мужчина в черном. Черный плащ, черная шляпа с круглыми полями. А больше ничего сверху не видно. Впрочем, и ему снизу меня не видать тоже. Послышалось характерное бряканье ключей на связке. Потом клацанье проворачивающегося в замке ключа. Дверь скрипнула, открываясь, и снова захлопнулась.

Похоже, надо поспешить. А то как начнут шастать туда-сюда, и просидишь на крыше весь день. Робинзон на острове, ага!

Свесила ноги с кромки крыши и аккуратно, стараясь тормозить руками, поползла вниз. Осторожность не помогла. Точнее, она обошлась мне в два сломанных ногтя, но бухнулась я о помост так, что села на задницу. Тут же вскочила и, не ожидая, пока появится хозяин, поковыляла вниз по лестнице. За угол и с глаз долой.

Центральная двустворчатая дверь была уже распахнута настежь. Не удержавшись, заглянула внутрь. И икнула, уви-

дев ряды полированных гробов с венками перед ними. Похоронная контора!

Но место стоит запомнить! Уж всяко лучше и безопаснее, чем в том сарае.

Глава 3

*Малая помощь в нужное время лучше, чем
большая помощь в ненужное время.*

Р. Асприн

За углом начинался рынок. Здоровущий, шумный, люд-
ный. Сначала мне показалось, что торгуют тут только едой, и
я расстроилась – вот на фиг мне сырые рыба или картошка?
Но потом углядела вдали ряды, над которыми, как рыцар-
ские штандарты над турнирным полем, развевалось готовое
платье. Ага, вот туда мне и надо!

Эх-х... Вот знать бы язык хоть немного лучше! Живо бы
наплела, что я – вдова или дочь заморского купца, и попро-
сила бы помочь подобрать мне одежду согласно социальному
статусу. Ибо возникло подозрение, что не все просто. Может
оказаться так, что разным сословиям приличествует разный
покрой, от чепцов до выточек на платье и ботинок. И если
надеть купеческий наряд с дворянской шляпой и крестьян-
скими чеботами, это однозначно вызовет вопросы. И что де-
лать? Да, наверное, стоит посмотреть на кого-нибудь из по-
сетителей рынка, выбрать подходящий типаж и скопировать
целиком, насколько возможно. Вот только с чего начать – с
ботинок или с головного убора?

Начать решила с того, что стала слушать, торгуются ли

тут? Оказалось, еще как! Можно сказать, бодаются! И первоначальная цена обычно ужимается в два раза, а то и больше. Так, с этим ясно. Как хочу выглядеть, тоже ясно. И даже на одно платье – по виду как раз моего размера – положила глаз. Но вот только рядом с приглянувшимся мне синим платьем стояла тетка руки в боки, смотревшая на меня с таким нехорошим прищуром, что становилось ясно – сунься чуть ближе, и услышишь о себе такое, что даже если ни слова не поймешь, все равно покраснеешь.

Я затопталась на месте. Ряд был не так уж длинен. И, похоже, мне предстояло выбрать не платье, а продавщицу. А вот как переоденусь и слегка освоюсь, можно будет зайти на вторую попытку. Но вообще-то одежду было бы неплохо померить. А перед этим стоило купить сумку, чтобы не ходить потом со своим барахлом в руках. Ага, вон невдалеке на прилавках стоят те матерчатые штуковины на жестком каркасе и с крышками, с которыми тут ходят женщины. Так с чего начать? Все же с платья. Ибо нищенка в непонятном плаще до шеи, но с новой сумкой – повод для подозрений.

Выбрала молодую женщину, кажущуюся добрее остальных. Во всяком случае, когда мы встретились глазами, эта не поморщилась, не прищурилась и не ответила взглядом исподлобья. Подошла и, выговаривая, насколько могла четко, произнесла:

– Миэ Мария. Миэ ниэти паливанэ.

«Я – Мария. Мне нужна одежда».

Торговка внимательно посмотрела мне в глаза. Я не отводила взгляд. Потом она кивнула каким-то своим мыслям и заговорила.

– Миа Нариали. Пергиатели!

«Я – Нариали. Заходите».

Какое счастье, что в этом языке нет никаких немецких артиклей и прочего грамматического ужаса. Вчера я немного расспросила Арвиса про язык и из его объяснений уразумела, надеюсь, верно, что тут есть три рода существительных, но важно это только тогда, когда называешь их местоимениями: он, она, оно. Или ставишь впереди прилагательные. Пять падежей. Три основных времени глаголов, которые обычно заканчивались буквой «и», и куча нюансов. В конце я попыталась узнать у него про магию – вдруг, если я таким странным способом сюда попала, она здесь все же есть? Вроде как он сказал, что «нет». Но, судя по тому, как светились в темноте его глаза, я что-то не так спросила. Может, стоило полюбопытствовать не про то, ходят ли люди по воздуху, а как-то по-другому? Ну, что могла, то и спросила!

Нариали показала мне три платья примерно моего размера. Честно говоря, ни одно бурного энтузиазма не вызывало. Цвет – те самые популярные в России девятнадцатого века «брюшко молочной блохи в лихорадке» и «блошинные лапки». По-простому – оттенки серо-буро-малинового. Материал явно домотканый, с неровностями на нитях и довольно крупным переплетением. Ну уж, что есть. Выбирать не при-

ходится. Зато, похоже, теплые. Из натуральной шерсти. Хотя откуда тут ненатуральная? – сглотнула я нервный смешок. Одно было явно велико по росту, талия сползла ниже пупка. А два казались более-менее. Спросила цену. Надо ж знать прежде, чем идти мерить, по карману ли мне такое? Чего морочить голову женщине, если денег не хватит? Одно стоило семь серебряных монет, второе девять. Это как, дорого или нет? Сейчас я могла себе позволить оба, но вот потом, когда стану зарабатывать деньги, а не бить прохожих по голове ножкой кресла в подворотнях, сколько мне придется вкалывать за такую тряпку?

Похоже, Нарiali приняла мои раздумья за неумелую попытку торговаться. Цена съехала на один серебряный ак за каждое. Ладно, беру, кивнула я. Но вот где бы их померить? И как бы мне сейчас пригодилась сумка... Я с тоской взглянула через ряд, потом на Нарiali.

– Ээ-э... сиа корити? – сколько стоит? – и ткнула пальцем в направлении прилавка с сумками.

Нарiali покачала головой, как бы забавляясь. Потом объяснила, что пятнадцать медных монет. Отлично! Выходит, в одном серебряном не десять медяшек? А сколько? И ведь с меня с моим косноязычием там точно стрясут вдвое больше!

Жалобно улыбнулась.

– Миа истили эр. Ниэти э-э... – и протянула продавщице три медных сита.

Та погрозила мне пальцем. Потом крикнула что-то сосед-

ке и, обозвав меня «мэрией», велела ждать на месте. А сама, ловко лавируя в толпе, двинулась к прилавку с сумками. Мелькнула мысль, что в московском метро она б и в час пик была как рыба в воде...

– Мэрия! – Ну и голос у нее! Звонкий такой. На полплощади. И тычет пальцем в одну из сумок. Не, помотала я головой и показала правее. Там стояла та, что мне приглянулась: с гобеленного типа растительным узором, голубым на кофейном фоне. Пойдет и к коричневым платьям, и к синим. И рисунок мне понравился. Нариаги поняла меня верно. Взяла сумку, отдала деньги и вернулась ко мне. Я благодарно улыбнулась и сделала неглубокий, как учили в школьном театре, реверанс. Нариаги захлопала глазами. Или я перешла верхнюю черту дозволенных странностей, или мой жест тут что-то значил. Ну ладно. Все равно сейчас не пойму – слов у меня меньше, чем у той псины, которая все понимает.

Снова крикнув что-то соседке, Нариаги потянула меня за руку в сторону стоящего за платяным рядом шатра. Из ее жестов и объяснений я поняла, что торговцы сбрасывались понемножку и ставили общий шатер для примерок. И клиенты довольны, и стоит в расчете на каждого продавца совсем недорого. Та, владелица синего платья, зашипела нам вслед. Но моя новая знакомая обернулась и сказала что-то резкое и звонкое, отчего все вокруг засмеялись, а злая торговка поджала губы так, что они стали разом похожи на куриную жопку. Теперь хихикнула и я.

Через десять минут меня было не узнать. Брюки под платьем я оставила. А вот блузку сняла и, аккуратно сложив, спрятала на дно корзины. Как и мой полосатый халат, который Нариаи с интересом повертела в руках, ахая над тканью. Бюстгальтер тоже стоило бы снять, потому как кружевная кромка вылезала из каре ворота. Но к соприкосновению нежной кожи с грубой действительностью шерстяной ткани готова я не была. Продавщица с интересом потыкала пальцем в тонюсенькую лямку лифчика, поахала. Потом посмотрела на высовывающийся из выреза компромат и, бросив «истили!» – «жди!», выскочила наружу. Вернулась через пару минут с белым батистовым платком ценой в три медяшки, которым задрапировала вырез так, что лифчика стало не видно.

Лучше сидело то платье, что подороже. Его я и взяла, с благодарностью отдав Нариаи восемь серебряников, о которых договаривались. Та посмотрела на меня, ткнула пальцем мне в бок, вздохнула, а потом достала из кармана две монетки по пять медяшек и протянула мне. Сдача, мол. И улыбнулась:

– Лиу ниэти биа.

Тебе нужно больше. Вот так. Наверное, доброта Нариаи и реализм того, что сейчас происходило, меня и доконали. Я хлопнула носом, а из глаз в два ручья хлынули слезы. Вот черт! Истерики сейчас не хватало! Нельзя! Вот устроюсь, пе-

реживу все и стану искать путь домой. А уж если не найду, тогда стану плакать. Хлюпнула носом еще раз, задрала голову, вытянув шею, как объедающая через забор куст в чужом огороде коза, и закусила губу.

Женщина ласково меня приобняла, мол, все утрясется, не волнуйся.

Я обняла ее в ответ.

Потом отстранилась, показала на свою непокрытую голову, на ее чепец и спросила:

– Сиа диат э-э? – в смысле, где такое берут.

– Шеравэр? – коснулась уха своего головного убора Нариа-
али.

Точно. Шаровары с ушами, и не иначе. А я-то думала, что мне напоминает этот изыск местной моды? Ну, шаровары так шаровары. Спасибо, не портянки и не галифе.

Кивнула. Нариаали потянула меня за руку наружу. Я подхватила сумку, мы вышли из шатра, повернули направо и через два десятка шагов уперлись в прилавок с распятыми чудесами ушастыми. В этот раз Нариаали без просьб с моей стороны торговалась за меня. А я тихонько стояла, пытаюсь запомнить и уяснить хоть что-то полезное. Третий чепец подошел. Оказалось, что на затылке ткань была проложена в четыре слоя, образуя нечто вроде кармана, куда полагалось помещать волосы. И чепцы отличались не только по окружности головы, но и по величине этого кармана, рассчитанного на шевелюры разной длины и густоты. Стоил шеравэр

всего пять медных монет, в три раза дешевле сумки.

Нариали помогла мне надеть выбранный экземпляр и до-вольно всплеснула руками, показывая, что вот теперь-то совсем другое дело, теперь-то я – красота несказанная. Я улыб-нулась в ответ:

– Удэй, Нариаи! Биа удэй!

В ответ на мое «большое спасибо» последовало не менее «большое пожалуйста» – «биа содэй». И вопрос, нужно ли мне что-нибудь еще? Вместо ответа я выставила из-под юбки ступню. В туфле Габор на босу ногу. Малость грязную и слегка обмороженную. При нормальной температуре я б уже давно подвывала от водяных мозолей после таких променадов на шпильке, а сейчас нога не чувствовала ничего. Удобно, конечно, но как-то тревожит.

Нариали снова всплеснула руками и куда-то меня поволокла. Еще через десять минут я рассталась с четырьмя серебряными монетами и стала счастливой обладательницей полосатых вязаных чулок и кожаных чеботов не иначе, как пошива местной фабрики «Вездеход». Туфли с порипанными на брусчатке каблуками переместились в раздутую от за-пихнутого плаща сумку. А чулки я исхитрилась натянуть по-верх моих штанов. Выглядело страшно, чтоб не сказать – жутковато, но зато сразу стало тепло.

Вот интересно, а как мне отблагодарить Нариаи? Почему-то казалось, что на деньги она обидится. Да и не могла я себе позволить сейчас деньгами швыряться. Задумавшись,

чуть не налетела на застывшую посередь людского потока фигуру. Рост выше среднего, черные волосы до лопаток, синий камзол и меч сбоку. Застыл, аки памятник самому себе. Народ его обтекает, и никто и словечка не вякнет. Арвис! Высматривает кого-то в толпе. Кого-то. Ага! И я даже знаю, кого именно! Похоже, прикинул, куда я могла с утра податься. И пришел меня искать. А вопль про мэрию позволил ему определиться, где именно надо смотреть.

Отвернув лицо, прикрылась шаровариным ухом. Фиг ты меня теперь разглядишь! Но нет, не понимаю! Зачем я ему? Точно, маньяк.

Наверное, мне удалось бы проскользнуть мимо незамеченной, если бы Нариаи опять не решила обратиться ко мне по имени, звонким голосом снова обозвав мэрией.

Арвис среагировал мгновенно, повернувшись к нам. А я с не меньшей скоростью подхватила сумку и по-крабьи нырнула под ближайший прилавок со свисающими с него тканями. Надеюсь, он меня не успел разглядеть. Неприметное платье, стандартный чепец. А сумку я подолом прикрыла. Поменяла направление движения, через десяток метров вынырнула, немного прошла с толпой, снова пересекла ряд и наконец решила, что затерялась. Прошла мимо прилавка сгорой крупных пирогов неведомо с чем. Ничего, мы сейчас все едим! И цена указана на клочке промасленной бумаги – один медяк за два пирога. Молча извлекла медяк, протянула продавцу. И молча кивнула, когда тот протянул мне куль, от которого

шел парок. Так, а теперь выбираемся с рынка. Похоже, этот Арвис считает себя знатной птицей. Как бы стражу не кликнул. А от них мне не сбежать – они город знают, а я нет. Единственный плюс, что теперь я выглядела точно так же, как десятки спующих во всех направлениях, как курицы по птичьему двору, горожанок.

Чертов брюнет! Я уж прикидывала, как мне набиться к Нарiali на постой. Почему-то представлялось, что добрая женщина не отказала бы. За деньги, конечно. И думалось, что это будет дешевле, чем в гостинице. К тому же мне же нужна не просто крыша. Мне нужен человек, который бы со мной разговаривал, учил языку. И рассказал, какого черта лысого тут происходит. Почему я сюда попала? Есть в том какой-то смысл или это – просто случайность, когда падаешь в незакрытый канализационный люк на улице, засмотревшись на облака? Мне же надо понять! Ведь от этого зависит, удастся ли мне вернуться домой!

Но почему он меня ищет? Совсем делать нечего? В душу запала? Ну-ну, так и поверю в свою внезапно проснувшуюся притягательную силу для брюнетов. А что? Вчера Роман о буфет шандарахнул, сегодня Арвис по рынку гоняет. Тогда что ему надо? Неудовлетворенное любопытство? Поймал двухголовую зебру в клеточку, а та возьми да и сбеги? Так обращаться с раритетами надо корректно, руками не трогать. А теперь я слилась с окружающей средой, поди отыщи! Вот только имя надо сменить. Похоже, меня одну во всем городе

мэрией зовут. Единственная проблема – никаких здешних имен, кроме Нариаи, я не знаю. И есть ли у них фамилии? И прилично ли женщине селиться в гостиницу одной? Или меня тут же примут за гулящую, да еще и попытаются ограбить?

Уходить с рынка ужасно не хотелось. Наоборот, теперь, когда я перестала выглядеть, как кенгуру среди пингвинов, интересно было рассмотреть поподробнее, что здесь есть. Еще я планировала прикупить шаль, в каких тут ходили женщины. Но, если вначале мне представлялось что-то в пастельных тонах – нежно-голубое или персиковое, то после столкновения с Арвисом я однозначно стала фанаткой серого цвета. Чем незаметнее, тем лучше. А второй покупкой, причем воистину мне необходимой, был какой-нибудь сосуд. Из чего-то нужно пить, в чем-то нужно хранить воду. Если не найду жилье сегодня, придется снова лезть на чердак над похоронной конторой. Бродить еще раз по улицам всю ночь не стану однозначно. Холодно, мокро, страшно. Я не Мата Хари и не Баффи – охотница на вампиров. Я – Машка – от них убегательница.

В душе крутилась совершенно нелогичная обида на Арвиса. Ведь кладезь знаний, мог бы все и показать, и рассказать, и правила игры в здешнем обществе объяснить, и писать по-тутошнему научить... нет, приспичило ему с поцелуями. Нашел, тоже, сног-сшибательную шатенку. С тремя

ногами. Две свои, а еще одна – дубовая! – в руках. Как звезданет – так небо в алмазах! Хотя тут-то понятно... любопытство выиграло, стал общаться. Но, похоже, в здешнем обществе не принято с женщинами просто дружить. Либо они имеют какой-то статус в семье – матери, сестры или как, либо становятся подругами. Я в подруги непонятно к кому в сарае встреченному однозначно не рвалась: вряд ли моя миссия в Риоллее – переспать с Арвисом. Козлов и в Москве хватает, и до сих пор я вполне успешно от них бегала. А данный не выглядит страдающим без женской ласки.

Так, вон на прилавке стоят оплетенные веревочными сетками бутылки. Сверху – привязанная к горлышку пробка. Наверное, такой бы сосуд мне и подошел. Литра на полтора. Чтоб и попить, и, в случае чего, руки вымыть и умыться можно было. Только ведь наверняка эта бутылка и в пустом виде на килограмм потянет. Может, где-то тут есть пустые тыквы, как в романах? Или какие-нибудь бурдюки? Вон, лошадь же вполне обыкновенного вида обнаружилась? – стоит себе, сено из телеги жует.

Кстати, а вряд ли в Риоллее, которая столица этой самой Аризенты, один-единственный рынок. Наверняка есть еще. Причем не какой-нибудь рыбный в порту, куда я ни за какие коврижки соваться не собиралась, а нормальный, вроде этого. Не может не быть! Город-то большой. И наводит на мысли о нашем семнадцатом-восемнадцатом веке, как я их себе представляла.

Цена десять медяшек за кривоватую стеклотару справедливой мне не показалась. Торговаться с моим косноязычием не светило, так что просто уставилась на продавца, крутя в пальцах монетку в пять медяков, — читала я в какой-то книге, что вид наличных в таких случаях действует стимулирующее. Если уйдет какая-то хлопающая глазами девица — не беда. Но вот если эта зараза унесет медный сит, который мог бы перейти в твой карман, — вот это уже нехорошо. В итоге, еще немного поторговавшись на пальцах, сошлись на шести медяках. Бутыль и вправду оказалась тяжелой. А ведь в нее надо бы еще чего-то и налить!

Так. Если это город, тут должны быть либо фонтаны с питьевой водой либо какие-то разносчики. Уже на выходе с рынка я наткнулась на последнего. Не очень поняла, что за «силири» он торговал, разливая его ковшом из больших, висящих за спиной бурдюков, но женщины пили это тоже. Может, аналог сбитня? За наполнение моей бутылки я отдала еще один медяк, и разносчик мне подмигнул, а потом попытался шлепнуть по задку. Ну что за нравы, а? У них что, все женщины на улице считаются доступными? Плохо, если так.

Марево почти разошлось, хотя солнечные лучи были бледными, скорее серебряными, чем привычно золотыми. Я выбралась с рынка, разжившись по пути еще караваем свежего черного хлеба про запас и мотком веревок. Меня знобило и вело из стороны в сторону — присутствовало четкое ощущение, что заболеваю. И совсем не хотелось сейчас ис-

кать трактир и пытаться объяснить там хозяину, почему молодая женщина с лихорадочно горящими щеками и без царя в голове путешествует в одиночку. Ну что, ковыляю назад, к своей гробнице Тутанхамона?

* * *

Мне удалось сориентироваться и отыскать похоронную контору. Двери почему-то снова были закрыты. То ли все ушли на обед, то ли на фронт, то ли на кладбище. Лишь бы не на второй этаж. В этот раз я еле вскарабкалась на крышу – сил не было совсем. Точно, заболеваю. Ох, не время и не место.

Забралась на чердак. Хлебнула из бутылки сладковатой пряной жидкости со смутно знакомым запахом – гвоздика там, что ли? Стараясь ставить ноги только на места, где виднелись шляпки гвоздей – то есть внизу были балки, – протянула от стены к стене веревку, благо, гвоздей тут изо всех мест торчало предостаточно. И вывесила на нее досыхать мой полосатый халат. Потом постелила у стены, так, чтоб из окна меня не было видно и из замочной скважины – тоже, мой плащ. Одну полу оставила свободной, чтобы укрыться. Сумка пойдет вместо подушки. А вот что с чепцом делать? Похоже, придется снять. Если повозить этими ушами по полу, белоснежными им точно уже не быть.

Легла на бок, достала пирог, куснула и уставилась на иг-

ру пылинок в воздухе в столбе света под окном. Натянула на себя полу плаща – все равно холодно. Не знобит, просто трясет. А пирог оказался с луком. Правда, с мясным привкусом. Ну, мне сейчас лук и надо – и от заразы, и от зараз. Чтоб никто не лез.

Хотелось спать. Вот сейчас достану свою бумажку, запишу, пока не забыла, всякие силири и шаровары, и можно расслабиться. Наверное, сегодня я уже никуда не пойду. Правда, оставался еще вопрос туалета... но пока это неактуально, а потом что-нибудь соображу. Ага. Сяду над водосточной трубой на крыше и прикинусь горгульей... Идиотская мысль.

Неужели прошло меньше суток с тех пор, как меня понесло выносить мусор? А столько всего случилось. Может, у меня белая горячка? Вот бы хорошо... только непохоже, что белая. А вот просто горячка явно есть. Губы спекаются, горло дерет, в глазах все плывет. И знобит так, что зубы стучат. Хорошо, что платье шерстяное. Подтянула колени к груди, обняла себя руками, натянула на голову плащ. Это потому, что ночью сидела с босыми ногами на той холодной куче. Из-за того идиота. Но неужели переспать с ним было страшнее, чем бегать по ночным улицам? Задумалась... Да, страшнее. Потому что это означало бы сломаться, отдать часть себя. Не хочу, чтоб так. Непонятно с кем. И без моего согласия. А просто потому, что он сильнее и в одном месте зачесалось. Хихикнула. Но я оказалась хитрее. А теперь он фиг меня найдет. Хотя вообще непонятно, зачем искал-то. Разве толь-

ко любопытство загрызло – посмотреть, что за чудеса на мне надеты...

Постепенно согреваясь, я уплывала в сон. Завтра проснусь, подумаю, что дальше...

Глава 4

Жизнь легче, чем вы думаете; нужно всего лишь принять невозможное, обходиться без необходимого и выносить невыносимое.

К. Норрис

В некоторые дни не стоит просыпаться вовсе... Лучше мне не стало. Наоборот, судя по колотуну пополам с ознобом, поплохело. Вокруг стоял полумрак. Вечер или утро? Кто знает, да и какая разница? А что за шум? Равномерный то ли шелест, то ли перестук. А, это дождь по черепице. Все-таки начался... И сразу пришла другая мысль – о собственных потребностях. И куда?

Вспомнилось, что в дальнем углу помещения часть досок пола вроде бы была отодрана от балок. Тогда я хихикнула – клад, что ли, искали? А сейчас подумала совсем о другом. С трудом поднялась и, пошатываясь, побрела в дальний угол. Ага! Точно. Четыре широкие доски сдвинуты, а под ними виден темный от пыли песок – утеплитель между этажами. Ужас! Как кошка – в ящик с песком. Нет, не могу я так... Вздохнув, подоткнула подол и полезла наверх, на крышу, в темноту и дождь. Как же, песня была еще такая: «Дождь смывает все следы, дождь смывает все следы...»

Обратно влезла закоченевшая, со снова мокрой головой. Зато в мозгах немного прояснилось. Вывод из происшедше-

го. Либо надо искать нормальное место для проживания, либо – программа минимум – раздобыть горшок или ведро. Лучше, конечно, первое. И еще надо бы подумать о разной гигиене – во рту, как мышь ночевала. А зубы жалко! Стоматологов небось тут нет, есть только костоправы и зубодеры. Во, поняла, на что Арвис польстился – на зубы! По здешним меркам у меня просто голливудская улыбка! Эх-х, и почему я еще в карман халата зубную щетку с тюбиком пасты не сунула? Ага! – собираетесь вынести мусор, не забудьте надеть рюкзак с самым необходимым!

Запахнула в себя второй, уже черствый, пирог с луком. Запила из бутылки. Нашарила в кармане штанов последний «Стрепсилс» и, хлопнув носом, сунула в рот.

А вот теперь надо думать. Надежда, что все пригрезилось и привиделось, уже растаяла как дым. Если бы знать, что послезавтра я вернусь назад, в привычную налаженную жизнь, с понятным местом в ней, определенным кругом обязанностей, кучей друзей, может, пересидела бы тут, на чердаке. Или дождалась хорошей погоды и пошла гулять по безопасной части города, чтобы все посмотреть и купить для близких сувениры. Представила, как вылупились бы девчонки на ту бурую хламидомонаду с длинной юбкой, что сейчас на мне. Страшнее атомной войны! А ушастые шаровары – это вообще вне конкуренции. И вне всего остального тоже. Разума и эстетики, например.

Но, похоже, я застряла. Значит, действовать надо так,

словно меня сюда перенесло навсегда и гвоздем за подол зацепило. Нет, замуж я, конечно, выходить подожду. И детишек заводить тоже не стану... А то как кинет обратно, и что? Пишите письма мелким почерком? Да и вообще, сейчас надо решить, что делать самой.

Ибо в первый раз в жизни я осталась одна.

Совсем одна.

Первое и очевидное: на этом чердаке можно переждать дождь, но не жизнь. Вылезать придется. Сейчас, если верить одуванчикам, весна. К осени у меня должен быть нормальный дом с человеческой кроватью и собственной печкой в нем. Это – первая цель.

Теперь разбиваем ее на этапы. Сначала надо научиться изъясняться на этом языке. Спасибо, что он мелодичный – экают и икают в каждом слове, но хоть не шипят и не выкашливают звуки. Вот попала бы к каким-нибудь оркам – было б куда хуже!

Да, а кстати, где я? Никогда не слышала о средневековом государстве под названием Аризента. Залив теплым не выглядит – скорее серый, чем синий. То есть на Земле это соответствовало бы то ли Балтийскому морю, то ли вообще Атлантическому побережью. Выходит, я не на Земле, а если на Земле, то не в моей версии реальности. Хотя сие – вопрос академический. И нефига голову ломать. Лучше прикинуть, что делать дальше.

Значит, первым делом – учить язык и законы. Потому что был великий соблазн прицепить на пояс кинжал. С вилкой справилась, справлюсь и с ним. Но если это дозволено только благородным? Или только мужчинам? Или лишь по специальному разрешению? Вот-вот... а то выйдет хуже, а не лучше. Вспомнился родной УК со статьями о холодном оружии и проскрипциями за его хранение и ношение.

Дальше. Допустим, я, знатная бандитка с дубовой ножкой Манька Золотая Ручка, раздобуду денег себе на домик. А вдруг тут налоги по двадцать процентов годовых? Или еще какая-нибудь засада? Чертов Арвис! Наверняка этот все знает... нет бы поделился информацией вместо того, чтобы приставать. Глядишь, и остался бы некусаным. И мне бы польза была.

Итак, учимся писать, учимся читать. Изучаем местную жизнь во всех реалиях и думаем, чем заняться. Можно открыть мастерскую по изготовлению зонтиков – вдруг тут их еще не изобрели? Или организовать школу танцев – хотя с такими манерами здешних кавалеров инициатива кажется провальной с первого взгляда. Или ресторан «Машенька-озверяшенька» – а что, продукты натуральные, наверняка недорогие, а готовить я умею и люблю. Или податься в министры финансов? – все-таки два курса математического образования плюс основы экономики и бухгалтерского учета – это сила! А еще могу открыть шляпный салон. Или в композиторы пойти? – ноты худо-бедно знаю, буду приобщать их

к Баху и «Битлз».

Ну кто бы мог предположить, что два предмета, на которые я упирала дома – программирование и английский язык, – окажутся совершенно бесполезными?

Так, опять я в лирику и бессмысленные сожаления. Не дело! Сейчас спасти меня некому, или выплыть сама, или пойду на дно. Тоже сама. Мысль опять скакнула – в голове всплыл детский стишок про жука, заявлявшего:

С детских лет, признаюсь вам,
Все привык я делать сам!
Ползать сам и сам кусаться.
Сам тонуть и сам спасаться!¹

Сначала меняю имя – надоело мэрией ходить. Хотя бы тут о лужковских инициативах по перестройке вся и всего не вспоминать... Согласные сохраняем, а гласные подлаживаем под местный говорок. Нужно что-то опознаваемое и в аризентском духе. Римини? – это нечто из географии. Дореми? – забавно. Даже слишком. Иримэ? – ну, ничего вроде, на собачью кличку не похоже... Только нужно, прежде чем представляться, уточнить, что у них так не называют верблюдов или крепкое спиртное.

За окном продолжало темнеть. Похоже, все же вечер. Значит, надо снова постараться заснуть. Растянулась на спине,

¹ Фрагмент стихотворения Джона Чиарди «Мистер Жук», перевод Романа Сефа.

поерзала. Плохо совсем без света. Неуютно. Но по сравнению с прошлой ночью под крыльцом какой прогресс! Глядишь, через недельку во дворец жить перееду! Буду дефилировать в полосатом халате по апартаментам и эпатировать бомонд.

Кстати, если без шуточек, халат должен уже высохнуть. Еще одна тряпочка сверху – капелька тепла. Сейчас встану и возьму...

Но вместо этого уснула, как провалилась. Мне хотелось увидеть во сне дом. Или чтобы меня озарило, как туда вернуться. Бывает же наитие во сне? Типа подсознание заработало? Но вместо этого возник Арвис в своей балахонистой рубаше. А я во что одета? Ага, плащ до ушей, хоть завязочки пришей. Сойдет. И сижу на скамейке в скверике у альма-матер. Мимо народ бежит, а на меня и Арвиса хоть бы кто взглянул. Как невидимки.

Неодобрительно посмотрела на брюнета:

– Ну, достал уже. Хоть поспать дай спокойно, а?

– Ты не рада нашей встрече?

– Рада-рада, как Колобок встрече с Лисой.

– Лису знаю. А кто такой Колобок?

– Такой трехмерный смайлик, – хихикнула я.

– Что такое смайлик?

– Печатный символ для выражения эмоций.

– Не понял.

– Скобочка с глазками такая, – ткнула я перед собой рас-

топыренными пальцами. Парень испуганно отшатнулся. – Ну, неважно. И вообще сгинь, глюк! И так я из-за тебя с температурой черт-те где валяюсь!

– Где?

Почему-то отвечать я не захотела. А попробовала отодвинуться от подсевшего ко мне под бок брюнета. Но встать не смогла. Во бред! Так не должно быть! Должно, как в анекдоте «это же ваш сон, сударыня!». Это же мой сон? Или?..

– Так где?

– У Тутанхамона!

– А что такое Тутанхамона? – терпеливо поинтересовался парень.

– Сходи в Пушкинский музей, – пробило меня на хихиканье, – там тебе все расскажут. И покажут. И саркофаг расписной подарят, ага.

Продолжать увлекательную тему Арвис не захотел. Зря. Мне только-только пришло в голову, что надо ему поведать про бога Себека с крокодильей головой – вдруг у них как раз такого в пантеоне не хватает? Но вместо этого он спросил:

– Почему ты убежала?

– Потому что не собиралась с тобой спать. А ты не понимал слово «нет».

– А почему «нет»? Ты больна?

– А что, у вас все говорят «да»? В приказном порядке? Вы чего, с ума сбрендили? Вон, посмотри, сколько народу вокруг шустрит, девчонки полуголые, и никто на них не ки-

дается!

Арвис поднял голову, будто только сейчас увидел то, что нас окружало. А мимо как раз бежала Маринка в своей любимой красной юбке длиной тридцать сантиметров, зато в босоножках на каблуке и с распущенными светлыми волосами. Ее догнал Василий, что-то сказал, получил от Маринки шуточный подзатыльник, после чего, дружно заржав, пара скрылась за дверями факультета. Причем Васька галантно придержал для девушки дверь. Ох, как же я сюда хочу!

Оглянулась на визави. Ага, сидит с отвисшей челюстью. Перевел взгляд на меня:

– Так что в этом плохого? Разве у вас не говорят «да»?

– Ну почему? Если кто-то кому-то нравится...

– Значит, я тебе не понравился?

Ой, злится, что ли?

– Да как ты мог понравиться, если я тебя всего пару часов знала? Как у Шварца, что ли? «Вы привлекательны, я чертовски привлекателен, так чего зря время терять?»

– Всем хватало, а тебе нет? А сколько тебе надо времени?

Я захлопала глазами. Ничего себе гусь! Нос вверх, подбородок вперед. Наполеон нервно курит в сторонке.

– Нисколько! Я и сейчас могу сказать – НЕТ! И века не хватит, чтоб меня с таким самовлюбленным индюком целоваться потянуло!

Рванулась и в этот раз отклеилась от скамейки. И дунула вслед за Маринкой, хлопнув перед настырным брюнетом

дверь. Пусть идет, ищет Тутанхамона! Может, тот его поцелует.

Кстати, а на каком языке мы так непринужденно общались, а?

Когда проснулась на рассвете, сон почему-то помнился. Как и тоска по своим. Зато голова болеть перестала. И появилась идея, что делать дальше. Простая, как кирпич. Нужно попробовать вернуться на рынок и поговорить с Нариа-ли. И попытаться набиться к ней на постой. Она знает, что я платежеспособна, и вроде бы какой-то контакт у нас нала-дился. И, уж если пошлет лесом, тогда спросить у нее совета насчет гостиницы. Как-нибудь да объяснюсь... А то сама с моим грандиозным опытом поисков жилья в средневековых городах запросто вместо гостиницы в публичный дом залечу. Кстати, а у них здесь есть такое? Может, и без надобно-сти, если тут дамы поголовно и так по определению на все согласные. Но как-то странно это. А как тогда с законными наследниками?

Да и не показалась мне та же Нариа-ли угнетенной женщи-ной востока. Или тут тоже есть какие-то правила и нюансы, которых я пока не понимаю? И сон странный. Чего я так на Арвиса напустилась? Ведь в реальности он ничего дурного не сделал – полиции не сдал, позволил выспаться, напоил бу-льоном, дал постирать халат и вымыть голову, научил пер-вым словам... Может, удалось бы просто объяснить, что не

хочу? Что не время и не место? Или я так взъелась за проскочившее словечко «всем»? Кого бы он там ни имел в виду, причисление к толпе неведомых Арвисовых поклонниц мне однозначно не польстило. Все, запуталась. Сон есть эманация подсознания. Если сон был мой, так и подсознание тоже мое, да? Так почему я злюсь на Арвиса, если это привиделось мне? Получалось, что на подсознательном уровне я считаю парня привлекательным и сержусь на него за то, что он, вместо того чтобы продолжать со мной возиться, как с первоклассницей, задал интересовавший его вопрос по существу. И не принял моего отказа. А мог бы не приставать, и тогда б он мне рассказывал азы здешнего мироустройства, а я постаралась бы отплатить сведениями о каких-нибудь наших полезностях. И это был бы вполне адекватный обмен.

Так. Я опять вдарилась в фантазии. Миссии никакой нет, есть попавшая неведомо куда студентка, которой срочно надо научиться всему, чему можно, а потом начать искать путь домой. А Арвис – явно знатная персона и местная шишка, которой вздумалось поиграть с брошенным котенком. И общего у нас ничего и быть не может.

Беги, котенок, беги!

* * *

Было раннее утро. Самое время для того, чтобы выбраться из склепа Тутанхамона.

Попаданки, с вещами на выход!

Сначала я хотела часть барахла и денег припрятать в песке под разобранными досками, но потом решила, что путь к тайнику через крышу – это все же слишком. И что лучше пока жить по принципу «все мое ношу с собой». Так что упихнула в сумку скудное имущество, от высохшего халата до полегчавшей бутылки, и выползла наружу. Угу, только светает, дождя нет. На рынок еще едут, гулко грохоча окованными железом деревянными колесами по брусчатке, тележки и телеги. Отличие между ними состояло в том, что первые толкали люди, а вторые тащили лошади.

Я была уже причесана, причем спрятала волосы под чепец так, чтобы не выбивалось ни прядки. Юбка помялась, но, если особо внимания не обращать, выглядела неплохо. Присев за трубу, привязала сумку веревкой к поясу – чтобы спуститься с крыши без членовредительства, мне понадобятся две свободные руки. И поползла задом наперед к краю. Напоследок огляделась, вознесла молитву Тутанхамону и повисла на краю на руках. Шлепнулась, как и в прошлый раз, на пятую точку. Громко. Встала,правила юбку, отвязала сумку, спрятала в нее полезную веревку и чинно двинулась вниз по лестнице.

Тревожило нехорошее неясное чувство, что меня могут искать, но на рынок все равно идти было надо. Это – средоточие местной жизни. И шаль куплю, и еды – буханка уже давно съелась за пирогами вслед, и поищу место, где жить.

Удачно, что я шла медленно и осторожно. И что успела купить серую, как хотела, шаль. Причем спустила цену почти вдвое от изначально названной. Меня настолько пугало, что деньги тают, что я преодолела страх перед торговлей и сумела настоять на своем. Шаль я сразу же накинула на плечи, прикрыв свисающей бахромой мою приметную сумку. И теперь не спеша двигалась к одежному ряду, уписывая очередной шедевр местной луковой кулинарии.

Я чуть не поперхнулась, увидев стоящую ко мне в профиль Нарiali и, в двух шагах от нее, Арвиса, застывшего в позе «Колумб с бушприта «Ниньи» высматривает Америку». Чтоб ему блох в штаны, гвоздь в ботинок и кирпич на голову! Ну что он ко мне привязался! Вот нефига больше делать – на рынке манекеном торчать. Арвис мазнул взглядом по моей перекошенной физиономии с раздутой непрожеванным куском пирога щекой и выпученными глазами... и не узнал. Пронесло! В два шага оказалась у соседнего прилавка с серыми носками грубой вязки и, повернувшись к брюнету спиной, стала их рассматривать. Чудные какие-то, крючком, что ли, связаны? Прижала сумку к животу, чтоб не видно было, и потихоньку, незаметно, стала смещаться боком-боком прочь. Пока мимо не прошла компания из нескольких громко перекликающихся горожанок, к которой я и приблизилась с видом, что всегда тут была.

Ну и куда мне теперь? Но ведь выходит, это не блажь. Получается, за каким-то надом я ему нужна. Узнать бы за

каким? Если просто забавляется, охотясь на «таинственную незнакомку с опасной вилкой», тогда ладно. А если что-то другое?

Пока крутила всю эту фигню в голове, поняла, куда хочу прийти – в то место, где торгуют книгами и пишущими принадлежностями. И сначала поброжу там, послушаю, что да как, а потом попытаюсь найти какого-нибудь благообразного старичка – вдруг ему нужна помощница карандаши точить и пыль вытирать?

Искомое нашлось через полчаса. Целых два ряда с книгами в кожаных золоченых переплетах, бумагами, склянками с разноцветными чернилами, рулонами мягкой кожи, с которой белой мукой осыпался мел, какими-то палочками, которые я обозвала для себя стилосами, перьями, вощенными дощечками... Вот только нехорошо, что женщин, кроме меня, в ряду и не было. То ли среди населения Риоллеи не водилось любительниц изящной словесности, то ли те, кто читает на ночь глядя, не встают рано поутру.

Я устроилась на поставленном на попа чурбаке невядалеке от показавшегося мне незлым торговца книгами средних лет и приготовилась ждать – все равно делать было нечего. Услышанные разговоры – увы – не давали ничего. Слова произносились слишком быстро, сливаясь в длинные, совершенно непонимабельные фразы. А еще хвалят метод погружения! У меня уже голова трещит, а толку никакого.

Ладно. Сижу, жду. Все равно заняться больше нечем. Если ничего не выйдет, попробую ближе к вечеру снова ткнуть-ся в платяной ряд, может, этот фанат экстравагантных дамских костюмов слиняет куда-нибудь. Вот только нехорошо, что на меня уже косятся. Сейчас как спросят что-нибудь...

– Сиа лиу ниэти эр?

Ух ты! Поняла! Спрашивают, что мне здесь надо. Вроде мужик не злой. Скорее интересуется, чем сердится. Отвечаю:

– Миэ истили, – я жду.

– Сиа лиу истили эр?

Вот привязался!

– Миэ ниэти киратас ол виэлдис, – мне нужны работа и знания.

Книготорговец озадачился. Осмотрел меня с головы до ног. Хмыкнул.

– Истили эр!

Ух ты! Это он серьезно? И поняли ли мы друг друга? С легким сомнением оглядела коренастого дядечку лет сорока в кожаных штанах, сапогах до колена и темной заношенной куртке. Как-то я не так представляла себе своего гипотетического учителя. Ну да ладно. Мне бы словарь хотя б до пары сотен слов добрать, а там уж сама разберусь.

Впрочем, через час моего терпеливого сидения на чурбаке выяснилось, что продавец меня тоже в ученицы брать не собирався. А решил сосватать своему клиенту. Когда я уви-

дела, кто идет по книжному ряду, у меня челюсть отвисла. Точная копия нашего профессора Куксина, читавшего первым курсам математический анализ, а старшекурсникам какую-то заумь про стохастическое что-то там! И плащ того же черного цвета висит таким же балахоном. Почти брат-близнец! Я настолько оторопела, что чуть не выдала вслух:

– Борис Ефремович, неужели вы тоже в мусоропровод упали?

Данная пространственно-временная версия Куксина остановилась напротив моего дядьки и что-то затарабанила на местном. Жуть! Даже интонации похожи! Стала в спешном порядке вспоминать, чем известен Куксин, кроме полного неприятия халтурщиков, халявщиков и прочих баранов. Впрочем, таких у нас были единицы. У нашего репутация была на уровне, и дядька, в общем, был строгим, но не вредным.

Может, это и не ко мне? Но на всякий случай сделала умное лицо интеллигентной девушки и стала спокойно ждать. Дождалась – в меня ткнули пальцем, а потом тем же пальцем подманили поближе.

Куксин-два придиричиво оглядел мой наряд. Впечатления тот не произвел. Потом заглянул в лицо. Хмыкнул. Я, со своей стороны, пыталась сообразить, как бы мне выдать если не свет знания в очах, то хотя бы искру разума? Вот какое выражение физиономии этому соответствует?

Закончив осмотр, Ка-два, как я его уже окрестила, выдал

мне тираду вопросов, из которых я разобрала только первые «сия-сия». И застыл в ожидании ответов. Спокойно посмотрела ему в глаза.

– Миэ – Иримэ. Миэ ниэти киратас ол виэлдис.

Ну, что могла, я совершила. Ждем эффекту.

– Миа Корэнус, – вздохнул К-2.

И – о чудо! – поманил меня за собой.

Глава 5

Вывод – то место в тексте, где вы устали думать.

Афоризм Матца

Топали мы долго, мне показалось, что через весь город. Корэнус изредка оборачивался проверить, иду ли я следом, кивал, но молчал. Я держалась в кильватере, подбадривая себя мыслями о том, как мудро поступила, что не оставила вещи на чердаке – сейчас бы мне не найти тот склеп под страхом падения в очередной мусоропровод с вываливанием посередь орочьей степи. Вторым поводом для оптимизма стала удобная обувь – фиг бы я поспела за К-2 вверх по вымощенной булыжником улице на своих шпильках.

Наконец марафон по брусчатке закончился. Оказалось, что в верхней части города расположен большой парк с раскиданными по нему серыми, украшенными зубцами и стрельчатыми окнами четырех-пятиэтажными корпусами, в которых я безошибочно распознала местную альму-матер. Ну, еще бы, столица державы, тут такое иметь просто положено.

Мы пересекли несколько зеленых лужаек, на которых валялись студиозы в черных хламидах. Я хмыкнула – кто с учебником, а кто с бутылкой – ничто из века в век не меня-

ется! Еще поворот, и Корэнус подошел к забору, прикрытому чем-то стриженным вечнозеленым – я почему-то подумала о тисе. Достал из кармана ключ размером с пол-ладони, отпер калитку и, не обращая на меня особого внимания, направился к двухэтажному флигелю. Я послушно потрусила следом. Вообще, пока мы шли, я крутила головой, как заведенная. И поняла – мне тут нравится! В первый раз с тех пор, как выпала в это измерение, стало легко на сердце – может, все не так уж и плохо? И потом, если б я сама искала дорогу домой, именно сюда бы я и пошла в первую очередь. Так что, пока обстоятельства не покажут обратного, буду считать, что мне повезло.

Второй ключ отпер входную дверь. Похоже, что до нашего прихода дом был пуст. Во всяком случае, изнутри никто не поинтересовался, кто там топает в прихожей.

С интересом огляделась. Симпатичненько. Кафельный пол из темных плиток, деревянные панели на стенах, деревянные темные резные балки на белом оштукатуренном потолке. Рогатые вешалки у стен. Калошницы, на которых впредmeshку красовались сапоги, ботинки и тапки.

Дверь направо, дверь налево. Впереди – деревянная лестница. Слева от нее несколько ступеней вниз и еще одна закрытая деревянная дверь. То ли в чулан, то ли на задний двор – кто знает? Ступени справа поднимались на второй этаж и терялись за поворотом.

Мой новый хозяин рассеянно потоптался на половике –

наверное, в детстве мама ему велела вытирать ноги – и, махнув мне рукой, двинулся вверх. Я повторила его ритуальный маневр с ковриком и пошла следом. Лестница скрипела под нашими шагами.

Площадка наверху переходила в короткий коридорчик с тремя дверьми.

– Миэ, – ткнул К-2 пальцем в одну. И, пройдя еще несколько шагов, в другую: – Лиу.

Толкнул дверь. Я, протиснувшись мимо, чтобы не коснуться Корэнуса, зашла в комнату.

И чихнула – пыль тут лежала с прадедовских времен. Зато имелись настоящее окно с непонятного цвета занавесками и кровать! Захотелось завизжать и подпрыгнуть. Но сдержалась – а то подумает, что подобрал буйнопомешанную, и выгонит.

К-2 хмыкнул, сдвинув домиком кустистые брови. И сообщил, что я работаю, а он учит. А еще, что он ждет меня через двадцать минут. Точнее, «ждет» и «двадцать» я разобрала, а вот в чем они тут меряют время, было пока для меня загадкой. Поэтому решила, что выйду, как управлюсь. А именно, слопаю назначенный в сумке пирог, запью его из бутылки, отыщу ночной горшок, который, согласно канонам, должен иметься где-то под кроватью, и переплету косу – волосы в клятых шароварах за что-то зацепились и жутко тянули.

Пока занималась всем этим, осмотрела помещение. Небольшое, метра три на четыре. Занавески изначально го-

лубые, но сейчас выглядят серыми – похоже, комната пустовала годами. Окно с деревянной рамой, переплет делит стекло на маленькие квадратики, по четыре в ряд. Два на правой створке, два на левой. Под окном выступает край крыши. Если надо – смогу выбраться. Оглянулась – на двери есть крючок. Тоже хорошо. Значит, можно спать спокойно. Хотя К-2 озабоченным не выглядел, но кто знает? После краткого знакомства с нравами Риоллеи даже ношение пояса верности с амбарным замком и шипами по периметру не показалось бы мне лишним. Подошла к кровати – ага, толстый неровный матрас, набитый чем-то вроде шерсти, две подушки. Не привычные, квадратами, а валики. Есть шерстяное же одеяло. А вот белье отсутствует – надо поискать.

А куда можно положить вещи? Вон в тот гроб повапленный у стены? Гм-м. Зря я так шкаф обозвала. Ибо угадала. Конструкция, прилично выглядящая снаружи, изнутри была перекошена. Похоже, шпильки, державшие верхнюю полку, куда-то делись, и, стоило мне открыть дверцу, как тяжелая доска поехала вниз, грозя треснуть меня по макушке. Ладно, такое я починить смогу. Но все равно он весь изнутри в пыли и паутине. Класть что-то сюда сейчас чревато авральной стиркой потом.

И вопрос: куда спрятать мой денежный запас? Носить с собой? Или все же можно найти тут укромное место и не таскать лишних полкило материальных ценностей? Как временное решение, запихнула сумку в дальний угол под кро-

вать – потом отряхну... С собой решила взять только мой лист бумаги и карандаш – общаться же как-то надо?

Похоже, я провозилась дольше, чем нужно. В дверь раздался стук.

Приятно. Ведь я не закрывалась, а К-2 постучался. Может, профессура в этом учебном заведении – монахи? Может случиться такое счастье? Кстати, рассматривая город сверху, я невольно обратила внимание на то, что никаких сооружений, которые можно принять за культовые, в пейзаже не видеть. Ни крестов тебе, ни серпов с молотами, ни звезд, ни полумесяцев... То, что выглядело как дворцы или маленькие замки, попадалось, а вот храмы и церкви – нет. Хотя, может, они тут в катакомбах молятся? Или босые в полнолуние на морском берегу? Кто знает...

Открыв дверь, приветливо улыбнулась. К-2 сделал жест рукой, показывая, что мне надлежит следовать за ним, и потопал вниз. Спустившись с лестницы, повернули направо. В дальней стене большого, несколько захламленного холла имелась дверь. В кабинет. Размером почти в три мои комнаты, с несколькими креслами, стеллажами с книгами по всем стенам и массивным – больше моей кровати – столом у окна. На столе лежал раскрытый том устрашающего вида – габариты талмуда наводили на мысль о достославном «Молоте ведьм». Рядом куча бумаг, пара чернильниц, стакан с перьями. В общем, творческий беспорядок.

К-2 сел сам, усадил в кресло напротив меня и уставил-

ся в упор, очевидно, прикидывая, что со мной делать. Вот вопрос: если я вылезу со своими инициативами, он будет рад или сочтет это наглостью? Наш Куксин любил студентов, проявлявших сообразительность. А этот? Ну, не рискну – не узнаю. Вздохнула. Чуть кашлянула, привлекая внимание.

– Иримэ дилиэни ниэ. Миэ виэлди... – возвестила я о том, что понимания от меня ждать не приходится, и с бумаги зачитала те слова, которые успела узнать за три дня.

Теперь закашлялся Корэнус. Взял у меня из рук мой лист. Потом карандаш. Неловко сжал его в кулаке, намереваясь попробовать провести черту... я перехватила руку:

– Ниэ! – Пусть и не мечтает! Карандаш у меня один, и не слишком длинный.

Показала, как легко держать его тремя пальцами. Написала «Корэнус» и прочла вслух по буквам. Гм-м... а чего это он на меня, как на двухголовую жирафу, смотрит? С огнем в глазах? Потом задумался и выдал: «Иримэ!» – и ткнул пальцем в лист. Ага, понятно, хочет посмотреть, как пишется мое имя. Пишу, показываю. Произношу отдельно «rrrr» и показываю одинаковые значки в двух словах. Потом делаю то же самое с «э». Ага, понял, что это не фокус.

Склонил голову и задумался. И косится на меня. Видно, любопытство я разбудила. Отлично! Теперь он станет учить меня языку, ибо нет иного способа узнать, откуда я такая взялась, кроме как поговорить. И точно не выгонит на улицу – иначе эта загадка не даст ему покоя до конца дней.

Понеслось! К-2 произносил названия одного предмета за другим. Я повторяла, пока не понимала четко, как это выговаривается. Потом тыкала пальцем в подобные предметы, показывая, как восприняла сказанное. Например, том на столе профессор обозвал «ридот». Выяснилось, что другие книги в твердых переплетах называются так же, а вот свитки или отдельные листы – по-другому. Разобравшись, записывала новое слово к себе в шпаргалку. К-2 заглядывал мне через плечо, смотря на транскрипцию и перевод. И просил произнести вслух то, что пишу.

В какой-то момент он принял решение и, взяв перо, стал не вяжущимся с его обликом аккуратным, почти бисерным почерком выводить еще один столбец справа от моего – написание слов на аризентском! Мы пытались составлять словарь! А я, глядя на закорючки, наводившие на мысль о греческом времен «Илиады», прикидывала, скоро ли научусь читать.

Когда мой лист, исписанный уже с двух сторон, подошел к концу, К-2 лично выдал мне еще один. Но к тому моменту, как я выяснила, как называются на аризентском пол, потолок, окно и веник, почувствовала, что ум за разум заходит. А вдохновленный моими успехами К-2 решил перейти к глаголам... и тут соображать было сложнее. Поди пойми, что он имеет в виду, подбрасывая мраморное пресс-папье и ловя его на лету? Бросать? Летать? Падать? Ловить? Или мы вообще изучаем закон всемирного тяготения?

Когда уже ошалела совсем, Корэнус все же догадался, что пора сделать перерыв. И поманил меня из комнаты прочь. С очень радостным видом. Типа, что вот сейчас сделает мне сюрприз. Я настороженно двинулась следом – почему-то сюрпризы прочно ассоциируются у меня с лягушками в кровати.

И оказалась права – привел меня профессор на кухню. Где оглянулся с торжеством на лице: мол, как, рада? Ой, ра-а-а-ада-а-а! Счастью предела нет! Он думает, что делает, подпуская городскую девушку к дровяной печке?

Наверное, мое вытянувшееся лицо подсказало К-2, что что-то не так.

– Сиа Иримэ салини мирэ?

Мирэ – это еда. Значит, салини – готовить?

– Не знаю, не пробовала... – машинально откликнулась я на русском.

К-2 тут же узрел в сказанном новую научную забаву и, забыв про еду, забегал по кухне, тыча пальцем то в один предмет, то в другой. То ли интересно было послушать чужой язык, то ли проверял еще раз, не валяю ли я дурака.

– Стол, сковородка, печка, дрова, кастрюля, ложка... – перечисляла я.

Печка и ложка профессора заинтересовали. А я сообразила, что в аризентском с шипящими напряг – то ли их нет, то ли почти нет. И на радостях выдала:

– Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили черными чернилами чертеж!

И следом протараторила:

– Ужа ужалила ужица, ужу с ужицей не ужиться. Уж уж от ужаса стал уже, ужа ужица съест на ужин!

Шедевр про Сашу с сушкой я решила приберечь до лучших времен, на десерт, и так Корэнус рот открыл, восхищенный моей артикуляцией и лингвистическими талантами. А вот теперь надо ему как-то объяснить, что я понятия не имею, как разжечь эту самую печку.

Но, кажется, он и сам понял, что дело плохо. Шагнул ко мне, схватил за запястья. Посмотрел на шесть сломанных и четыре целых ногтя, а потом перевернул руки ладонями вверх. Ага, трудовые мозоли отсутствуют. Мы вздохнули синхронно. Вот и нашелся мой первый недостаток – я ни шиша не соображаю в правильном ведении средневекового хозяйства. Ничего, будет надо – научусь.

Частично себя реабилитировать мне удалось на чистке картошки. Корнеплоды выглядели точь-в-точь как наши с рынка, нож был удобно-небольшим и острым. А в углу нашлась раковина с краном, из которого тонкой струйкой шла холодная вода. Надо посмотреть потом, как это тут устроено – небось где-то наверху есть водонапорный бак. Пока складывала аккуратно очищенные картофелины с выковырянными глазками в кастрюлю, К-2 разжег печку. Вот интересно, а как он до меня тут жил? Кстати, надо б разобраться с тем,

как правильно задавать вопросы. У нас столько всего – что, где, когда, как... – а тут все «сия» да «сия». Наверное, я чего-то не понимаю.

Пока картошка варилась, К-2 сумел мне объяснить, что вообще-то у него есть экономка, но та уехала к больной матери в другой город – какую-то Биордею – и там застряла. И вот он живет уже четыре чего-то один. Когда до него дошло, что пока мы не разберемся с этими чего-то, я не сумею оценить его самостоятельность и героизм, то снова потащил меня в кабинет, где я узнала, что год тут делится на четыре сезона по четыре месяца в каждом. Сейчас идет пятнадцатый день месяца лидам, что примерно соответствует нашему апрелю. Ясно. Значит, я сюда загремела одиннадцатого или двенадцатого этого самого лидама. Когда точно – непонятно. Потому что казалось мне, что с горячкой на чердаке я провалялась больше одного дня. Но уверенности не было.

Сутки делились на двадцать ниоров – часов, каждый из ста нирт – минут. Выходило, что в одном ниоре семьдесят две наших минуты, то есть он длиннее. А вот в нирте всего сорок три секунды, то есть она короче примерно в полтора раза.

Кстати, что там с он-она-оно? И как по-тутошнему «род»? Как бы задать вопрос-то? Ведь не напишешь Эм-Жо! А как?

На краю листка изобразила женскую фигурку, похожую на перевернутую рюмку. Рядом – напоминающую треугольник основанием вверх с шишкой головы и тоненькими нож-

ками мужскую. Задумалась, не пририсовать ли саблю на боку, но поняла, что с моими художественными талантами не так поймут. Обойдется без сабли! А под ними нарисовала смутно опознаваемых курицу с петухом – они тут есть, своими глазами видела на рынке. А потом, ткнув карандашом в девушку, курицу и себя, три раза произнесла: «Она!» Соответственно, петух и профессор были причислены к сильному полу.

К-2 попросил повторить. Похоже, это «нэсори» станет у нас самым популярным словом на ближайшую пару недель, ага. Мелькнула мысль – не попытаться ли нарисовать третьей парой корову с выменем и быка? Подумав, отвергла ее, как крамольную. Будем разбираться с приличной курицей...

Разобрались. Вдохновившись новым знанием, что «сэн» – это «он», а «тэн» – «она», вспомнили о картошке. Вовремя. Подгореть она не успела. Есть ее полагалось на фарфоровых тарелках с топленным маслом. Но почему-то ложкой. Я спорить не стала. Хоть кочергой – зато первый раз за три дня настоящая горячая еда. Кстати, вот еще шанс показать себя. Посмотрела вокруг. Ага, маленький ножик вон. Беру. Теперь спину прямо, локотки аккуратно, не на стол. В правой руке ножик, в левой – моя незаменимая вилка. На которую профессор тут же вытаращил глаза. А я улыбнулась и начала аккуратно квантовать картофелину на своей тарелке, отправляя вилкой маленькие кусочки в рот. Неужели у них тут на самом деле нет вилок? А как тогда с мясом и рыбой? Оказа-

лось существуют деревянные или металлические однозубые палочки-шпажки с мелкой насечкой, на которые полагается накалывать всяческие маринованные грибы и отрезанные куски антрекотов. Для себя я решила, что при первой возможности обогащу застольные традиции Аризенты, научив народ пользоваться вилками. Мне еще благодарные граждане за это памятник поставят, ага!

Пока мыла посуду, К-2 крутил в руках вилку. Тыкал пальцем в клеймо на ручке и пытался что-то у меня узнать. Я честно силилась понять, чего ему надо, но так и не вникла. И, со своей стороны, попробовала поинтересоваться, где в этом доме хранят белье? Теперь озадачился Корэнус. Но в целом мы были друг другом довольны.

Напоследок я выпросила у профессора еще один лист бумаги, объяснив, что он нужен, чтобы учить новые слова. Тот удивился, но позволил. Еще больше изумился, когда я приволокла с кухни нож и аккуратно стала нарезать лист на прямоугольники. Покачал головой, открыл ящик стола и подал затейливые ножницы.

– Удэй! – благодарно кивнула я, продолжая портить бумагу.

Надо запомнить, где они лежат, хоть как-то ногти в порядок приведу. Что-то мне подсказывало, что пилку я тут буду искать тридцать лет и три года...

Нарезав лист, села и начала выписывать на квадратики слова. С изначальным написанием и обозначением рода.

Вдруг пригодится? Уж легче запоминать сразу. Квадратики я собиралась распихать по всему дому. Чтобы куда ни пошел – на глаза попадалось что-то полезное. Большой бардак, чем есть тут сейчас, устроить сложно. Хотя, наверное, к возвращению экономки, которую я представляла упитанной пожилой леди с суровым взглядом и твердым подбородком, стоит навести тут порядок. Иначе вопрос может встать ребром – я или она. И нетрудно понять, кого выберет профессор.

Когда на улице стемнело, профессор зажег три свечи в подсвечнике. Отметила про себя, что эти – немного чадят. Да и язычок колеблется, мешая читать. Мы продолжили занятие. К-2 ходил по комнате, тыкал в предметы пальцем, а я их называла и сообщала, какого они рода. Потом задача усложнилась. К названию предлагалось добавить подходящий глагол. Попутно меня познакомили со спряжением глаголов в настоящем времени.

Увидев, как я пытаюсь скрыть рукой зевок, Корэнус стукнул себя ладонью по лбу. Похоже, он остался мной доволен, потому что произнес что-то примирительным тоном – извинился, что ли? – улыбнулся и поманил меня рукой за собой. Мне показали, где находится большая ванная комната, ткнули носом в стоящий в коридоре шкаф с бельем и отпустили на сегодня с миром.

Когда я забралась в кровать, гудели ноги, трещала голова, и я просто отрубалась на ходу. Последним, что решила для себя, было: три дня держусь любой ценой, составляя словарь.

Учу все, что можно. А потом уж начинаю думать о вещах вроде той, что делать девушке, у которой в чужом мире всего одна пара трусов, да и те – стринги.

Мне снова приснился Арвис. Опять в своей светлой рубашке, с рассыпанными по плечам черными волосами. Серо-голубые глаза казались грустными. Как и в первый раз, мы сидели на скамейке в скверике у фонтана. Я вновь была в плаще до ушей, как летучая мышь со сложенными крыльями.

– Мариэ! Где ты?

Это вместо приветствия? И смотрит так, что видно – вопрос для него важен.

– Арвис, а зачем я тебе?

Пауза.

– Понравилась. И я о тебе беспокоюсь.

Что-то кажется мне, что это и не ложь, и не правда. Точнее, кусочек правды, но в такой профиль, что может за ручкой от швабры спрятаться.

– Гуляю по городу, – светло улыбнулась я. – Красивый. А река у вас есть? Здорово, когда в городе – мосты. Но у вас я не видела.

– Есть, Созлара. Там еще один порт, но она течет чуть западнее Риоллеи, – и резко замолк, будто сказал что-то лишнее. Потом продолжил: – Так где ты гуляла?

– Понятия не имею – я же читать по-вашему не умею.

Не знаю, почему, но говорить, где я сейчас, почему-то решительно не хотелось.

– А на рынке была?

– Конечно. – Вот пусть думает, что там я и хожу. – Так зачем я тебе нужна? Сразу скажу – в неземную любовь с уснувшей в сарае летучей мышью верю смутно.

– Я бы хотел тебе помочь, – рука парня легла на спинку скамейки за моими плечами. – И на летучую мышь ты не похожа.

Ну, снова-здорово.

– Ну да, те не кусаются, – хихикнула я.

– А поцеловать тебя так, хотя бы во сне, можно? – нелогично отреагировал брюнет. Рука двинулась к моим плечам.

Я задумалась. Если бы мое подсознание не хотело целоваться с Арвисом, то этого вопроса не возникло бы, наверное? Значит, я хочу с ним целоваться? А думаю тогда зачем – ведь он именно поцелуй мне и предлагает? Что-то тут мне не нравится. Вот не вяжется, и все. Почему же то самое подсознание, которое должно было бы плавать в экстазе, как эскимос в печке, вопит – драпай со всех ног?!

– Не стоит. – Осторожно сдвинулась на полметра в сторону.

– Я тебе не нравлюсь?

Снова обиделся?

– Мне никто не нравится. Я домой хочу! У Тутанхамона хорошо, а дома лучше!

– Тут я помочь тебе не могу, – погрузнел парень.

И опять возникло ощущение, что это – правда, но не целиком. Почему-то стало зябко. Поднялась со скамейки и, не оглядываясь, пошла прочь. Вот перенестись бы в явь! Завернуть за угол, сесть на автобус, проехать остановку до метро, а оттуда – прямым ходом домой. В горячую ванну, джинсы со свитером и к компьютеру. Почты небось накопилось немалое. И в асю народ стучится...

С этой мыслью и проснулась.

Темно, похоже, ночь. И совсем не холодно. Лежать на толстом матрасе, застеленном чистой простыней, казалось нереальным блаженством. А почему тогда я проснулась? Сон! Арвис во сне сказал, что западнее Риоллеи течет река Созлара. Сама я о ней не знала и услышать нигде не могла. Хотя бы потому, что не знаю, как по-тутошнему «река» и «запад». А еще я заметила у него на шее, недалеко от правого уха, маленькую родинку, которую не видела, да и увидеть бы под распушенными волосами в вечер нашего знакомства не могла. А сейчас он отвел волосы вбок, когда говорил со мной, вот и заметила.

Глаза привыкли к полумраку. Решившись, спустила ноги с кровати и прошлепала к широкому подоконнику, на котором оставила свои записи и карандаш. И в углу листа записала название реки и про то, что справа – родинка. Наверное, это все чушь... Пойду-ка спать дальше.

Глава 6

Никто не знает столько, сколько не знаю я...

Спустив поутру ноги на пол, по которому гулял сквознячок, поняла, что, если задержусь в этом доме, надо обзавестись тапками. И шерстяными носками. И нижним бельем. И рабочим халатом. А для уборки и домашних дел неплохо бы разыскать перчатки. Да, и зубная щетка по-прежнему была проблемой. Зубы они, наверное, чистят мелом. Но не пальцем же?

Еще обнаружилось, что вчера я не озаботилась взять полотенце. И что в комнате нет ничего, что хоть отдаленно может сойти за зеркало. Значит, придется спускаться вниз, в ту ванную, которую показал профессор. Неудобно. В принципе я нутром чуяла, что К-2 приставать не станет – не так он на меня смотрел, да и ночью – сплю я чутко – под дверью, которую для верности я еще и стулом подперла, никакого движения не было. Но все равно было неловко. В том, что правила приличия тут совсем иные, я уже успела убедиться.

Напялив свое платье фасона «сиротка Джейн Эйр», вооружилась расческой и вилкой и отправилась вниз. Оказывается, К-2 – ранняя пташка. Одетый в нечто, что я про себя тут же обозвала шлафроком, с белой рубахой под ним, профессор выглянул из двери кабинета: «Иримэ! Сиган рият!»

Это доброе утро, что ли?

– Удэй! – улыбнулась я в ответ. – Сиган ризт, Корэнус!

И пошлепала дальше, в ванную.

Умылась, причесалась. Снова напаялила на голову шаровары и задумалась – может, если принято, чтобы женщина тут прикрывала голову, можно использовать что-то другое? Даже тюрбан из полотенца лучше, чем это лопоухое безобразие! Как только смогу объясниться, спрошу у К-2. Осмотрела шкафы. Да, мыло у них есть, хотя и грубое. Зато душистое и с вкраплениями зеленоватых частиц – наверняка какие-то натуральные травы. Упс! – про шампунь тут не слышали... А-а, вот и коробочка с чем-то, похожим на тертый мел. Для зубов? Сунула влажный палец, понюхала. Потом осторожно притронулась кончиком языка – а то вдруг это сода, тальк или экзотический стиральный порошок? Или, вообще, по-трава от блох? Нет, мел обыкновенный. Зачерпнула пальцем побольше и начала чистить зубы. Уж лучше так, чем никак. Но потом надо будет соорудить щетку, палец ее не заменяет.

Прополоскав рот, почувствовала себя лучше. Решившись, стянула чулки и вымыла в холодной воде под краном ноги. Давно пора было – после беготни по мостовым и помойкам мои нижние конечности отбили бы аппетит даже голодным каннибалам. Кстати, а как тут делают воду теплой? Наверное, надо затопить печь, а та прогреет какой-то бак или трубы? Вряд ли здесь кипятки по жизни носят кастрюлями?

Приведя себя в порядок – пошла на кухню, проверить

припасы. То, что мечта о кофе накрылась медным тазом, я смекнула быстро. Но зато обнаружился сюрприз – деревянная толстенная дверь в стене в дальней части кухни вела на лестницу, спускавшуюся в подпол. А там в ящиках хранилось некоторое количество разных овощей – моркови, картошки, капусты, лука. И имелась закрытая крышкой дыра в полу – ледник. Я о таких только читала. Внизу скапливается стужа, потому что холодный воздух тяжелее. И вот зимой колют лед и засыпают его в глубокую яму. А сверху присыпают опилками, чтобы уменьшить теплопроводность. Лед не тает все лето. Продукты вешают в авоськах на веревках сверху, цепляя их за крюки, вбитые у крышки. Не морозилка, но масло, молоко, мясо и прочие продукты могут так храниться довольно долго.

– Иримэ? – раздался с кухни голос потерявшего меня Корэнуса.

– Миэ эр! – отозвалась я. – Сиа диат мирэ... э-ээ?

Надеюсь, он поймет, что этот набор слов несет в себе вопрос «какую еду можно взять, чтобы приготовить завтрак»? Лишь бы не ответил по общему мужскому раздолбайскому принципу «да бери, что хочешь, только отстань!». Из того, что я видела к настоящему моменту, можно было соорудить либо блины, либо омлет. При том условии, если мне удастся управиться с плитой. Разжечь-то я ее могла, костров в своем детстве я спалила немало, мама – фанатка туризма, дачного образа жизни и прочих диких радостей – научила,

как надо класть растопку, чтобы все загорелось с первого же раза. А спички, которыми пользовался вчера Корэнус, казались по виду вполне обычными. Хорошо, что в этом они были впереди Земли – у нас спички вроде бы появились только в XIX веке, а до того пользовались огнем. Жаль, газет тут нет. Но береста в ящике рядом с печкой была...

А вот как регулировать силу огня, чтобы еда не подгорала, – сие было для меня тайной за семью печатями. Ладно – будем пока все варить. Кипяток, как ни грей, а больше ста по Цельсию не нагреешь. Кстати, а в чем у них тут температуру меряют?

Но К-2 меня не бросил. Завтрак – тривиальную яичницу с капустным салатом – мы готовили вместе. А обедом я решила заняться заблаговременно. Достала с ледника кусок мяса граммов на восемьсот весом, положила в большую кастрюлю, промыла, залила водой и поставила варить бульон. По ходу дела совала нос во все банки и склянки, исследуя содержимое, чувствуя, как во мне растет уважение к экономке профессора – женщина эта, похоже, была запасливой и фанатично аккуратной. Корэнус взялся было помочь – кажется, его интересовало все, что я делаю, – и сунулся с банкой с солью к моей кастрюле. Я погрозила пальцем – бульон солят в конце, а не в начале готовки. Почему, мне было неизвестно – опыт ли то предков или мистические соображения, но поступают именно так. Обогащенный новым знанием профессор кивнул. А я узнала, как называется соль – исст.

Сняв первую пену и оставив бульон тихо булькать под крышкой на медленном огне, перебрались в кабинет. Сначала К-2 проверил, как я усвоила вчерашний урок. Ну, два слова из трех я вспомнить могла. Сочтя результат приемлемым, Корэнус достал новый лист бумаги. И – вот он, академический подход! – написал алфавит. А потом усадил меня за стол, дав возможность приписать напротив каждой из двадцати шести букв, как она произносится. Достал еще один лист и вопросительно уставился на меня. Он что, хочет, чтобы я написала русский алфавит? А потом составим разговорник для попаданцев? Вот уж актуально-насуточно!

Разочаровывать профессора, рассказав, что свалилась на помойную кучу из другого мира, в мои планы никак не входило. Поэтому я написала столбиком А, Б, В... и далее по списку. Произнесла название каждой. Куча шипящих заставила Корэнуса почесать голову, а мягкий и твердый знаки поставили в тупик. Ничего, потом объясню!

Сегодня на меня свалились прилагательные. Всякие: большой – маленький, высокий – низкий, широкий – узкий, горячий – холодный. И все цвета радуги в придачу. Радугу мы даже нарисовали. Потом продолжили набирать смысловые глаголы – их критически не хватало. Так прошло три часа. Когда я уже собиралась вытереть вспотевший лоб ухом шаровары, профессор махнул рукой. Мол, довольно, отдохнем.

Я помчалась на кухню, проведать бульон. Ага, мясо мяг-

кое, вроде бы сварилось. Почистила и порезала картошку, лук, морковь и плюхнула в кастрюлю. Подумав, для пикантности добавила помидор, превентивно содрав с него кожуру. Эх, зелени б какой-нибудь... или грибов. И теперь можно и посолить. А пробовать деревянной ложкой, кстати, удобно – не обожжешься.

Так, что бы сделать, пока обед варится? Наверное, пока светло, надо прибраться. Хоть немного. Пошла в кабинет, уставилась на К-2 и поинтересовалась, где в доме веник? И совок? Оказалось, в прихожей.

Я понимала, что профессор ломает голову на мой счет. Руки почти как у знатной леди, без мозолей, с чистыми длинными ногтями. Но при этом умеет картошку чистить и не гнушается веником. Наверное, спишет странности на особенности национальных традиций... пусть его.

Выяснилось, что за четыре месяца песка в дом натаскалось столько, что можно полпустыни Сахары засыпать. А потом львов гулять запустить и шампиньоны посадить. Вынесла это все на улицу. Потом вытряхнула тот самый половик, о который Корэнус вытирал ноги. Поняла, что малой кровью тут не обойдешься, и тоже понесла его на улицу, полоскать в тазу. Кстати, оказалось, что вторая дверь действительно ведет на огороженный задний дворик с несколькими деревьями, заросшей одуванчиками клумбой и парой скамеек.

Победив коврик и повесив его сохнуть на заднем дворе, побежала смотреть на суп. И нашла у кастрюли принохива-

ющего к пару Корэнуса с деревянной ложкой. Кстати, а как будет по-аризентски хлеб?

Так пронесся весь день. Я успела подмести и у себя, выпросить у Корэнуса безразмерную полотняную рубаху, которую собиралась надевать под мое сиротское платье, чтобы шерсть не кололась, починить шкаф и кое-как протереть окно и, главное, обогатиться по ходу дела еще сотней новых слов. Узнала, как будет рынок и улица, хлеб и лук, рука и нога, город и река. И выяснила, что, во-первых, есть небольшой рынок прямо рядом с университетом, а во-вторых, западнее Риоллеи протекает река под названием Соэлара.

Вот так.

Вечером решила подольше не ложиться спать. Во-первых, нужно было еще позубрить слова – у меня было уже пять мелко исписанных листов, а карандаш пришлось точить целых два раза. Делать я это пыталась максимально экономно – других тут взять, похоже, неоткуда. Кстати, судя по аккуратному обращению профессора с бумагой, материал сей был здесь дорог. Так что хорошо бы подумать, на чем и как рисовать поясняющие рисунки из разряда «ручки-ножки-огуречик», не изводя чистые листы. Возникли три мысли: ящик с песком – я где-то читала, что в петровские времена в начальных классах именно так осваивали каллиграфию. Можно раздобыть навощенную дощечку со стилосом, на рынке

вроде бы такие были. Либо, наконец, доска с мелом. Если зубной порошок есть, может, и мел где-то найдется? А доски вроде бы изготавливали из сланца. Но я думала не о нем, а о темно-коричневой керамической плитке в прихожей, по которой возюкала сегодня веником. Может, подойдет?

А вот вторая тема моих раздумий в голове не укладывалась никак.

Арвис.

Выходило, что обаятельный сероглазый парень приходит в мои сны не просто так. И совсем не по моему желанию или из-за глюков девичьего подсознания, стосковавшегося по черноволосой мужественной красоте.

Он был чуть ли не первым, кого я встретила в этом мире. Случайно или нет? Может, так, а может, и эдак. Например, если б я не сообразила прикрыться разломанной ивовой корзиной, события на свалке могли бы повернуться совсем другим боком. Или, скорее, даже задом. Так что считаю, что случайно, пока не будет поводов думать обратное. Но вот то, что глаза у него в темноте светятся, то, что он может ходить по снам, и то, что он меня упорно ищет, – это уже доказанные факты.

Причем ищет непонятно зачем. Если б наши интересы совпадали, уж, наверное, он бы мне о том сказал, чтобы простимулировать найтись. А он понес какую-то чушь про внезапную симпатию к пахнущим капустой попаданкам с мокрой головой. Ну, может, какая-то симпатия и есть – все ж я

от зеркала не шарахаюсь по утрам, но не настолько же, чтобы сначала бегать за мной всю ночь, а потом три дня искать по городу? Здесь все ясно: пока не пойму, что за ерунда творится, лучше мне на глаза симпатичному брюнету не попадаться. И, кстати, есть еще вот такой нюанс: если мы понимаем друг друга во сне, он же мог бы мне рассказать про то, как устроен этот мир, помочь, дать какие-то советы о том, что нужно делать, как правильно себя вести... а он просто тупо лез целоваться. Получается, в этих поцелуях есть какой-то смысл.

Думаю дальше. У нормальных людей глаза в темноте не горят – то есть в этом мире есть сверхъестественное, иначе говоря – магия! Про сны я уж тихо молчу... это вообще темна вода в облаках.

Но если есть магия, должны быть и маги. Значит, тут может найтись кто-то, кто поможет мне вернуться домой. И, наоборот, возможно, есть некто, кто неведомо за какой надобностью приволок меня из дома сюда и, скорее всего, станет мешать возвращению в родной мир. Вот выходило, что Арвис – маг. И на какой он стороне?

А вот еще непонятность: попала ли я в Риоллею вследствие стечения обстоятельств – какого-нибудь слияния двух лун, или пересечения пластов реальности, или смещения пространственно-временного континуума, которое происходит, допустим, раз в сто или десять тысяч лет... и вот взял, да мне на радость и сместился, совместившись с моим мусо-

ропроводом, ага! Или же кто-то поспособствовал тому, чтобы меня сюда забросило?

Пока эти вопросы были теоретическими. Но, как говорится, если вы – параноик, это не значит, что вас не преследуют. Так что на всякий пожарный буду в голове их держать.

Моя программа на ближайшее время была проста, как кирпич: учу язык, потом приобщаюсь к местной культуре, чтобы не сесть в лужу. Надо разобраться, какие тут есть условия, какие у них привилегии и обязанности, и выбрать для себя – где лично я хотела бы оказаться. Ясно, что не в огороде с морковкой с тяпкой в руках – там мне точно делать нечего. Например, стоит узнать – а учатся ли в университете девушки? Или наука – сугубо мужская стезя? И чему вообще тут учат? Вот бы полистать их учебники...

И с положением женщин в обществе тоже не понятно совсем ничего. То ли у них произошла средневековая сексуальная революция, то ли мне попались индивидуумы «из ряда вон». Эх-х... сплошные вопросы.

Устав ломать голову, отправилась в кровать. Дефицит света навязывал здоровый образ жизни: рассвело – вставай, стемнело – ложись спать.

Едва закрыла глаза, как провалилась в сон. И уже не удивилась, увидев себя на знакомой скамейке, а рядом – сидящего Арвиса.

– Здравствуй, – улыбнулся парень.

– Здравствуй-здравствуй, как живешь, зубастый? – машинально парировала я.

Не, не зубастый, скорее, глазастый – вон как выпучился.

– А почему зубастый?

– А что, беззубый? – хихикнула.

Раз ничего полезного не рассказывает, хоть поиздеваюсь. А то от невозможности поговорить на родном языке и бесед с самой собой уже крыша ехать начинает...

Мое нездоровое веселье Арвису не понравилось. Он задумался, а потом попытался сменить тему:

– Интересно, как бы ты выглядела в красной юбке, как у твоей подруги... – и покосился на торчащий из-под моего верного плаща мысок туфли.

– Синей! – на голубом глазу уверенно выдала я.

– Почему синей? – обалдел парень.

– Потому что от холода в лиловых пупырышках, как у зеленого огурчика! – вместо объяснения ткнула пальцем в башню с градусником, стрелка на котором замерла на гордых плюс двенадцати Цельсия. Что-то не жарко для начала лета. Или тут тоже апрель?

Если мы говорим на одном языке, сейчас пальцем у виска покрутить должен, прикинула я. Не покрутил. Зато вздохнул.

– Ты говорить со мной не хочешь, да?

– Так ты ж ничего не скажешь, это я уже поняла, – пожала плечами я в ответ. – Так какой смысл с тобой разговаривать?

Разве что язык почесать...

– А просто рядом посидеть?

Гм-м... Покосилась на него. Вообще, встретить я такого красавца, который так бы за мной ухлестывал, в моей московской жизни, вопросов бы не было. Наверняка не отказалась бы и посидеть, и погулять вместе, и посмотреть – а как он целуется? А сейчас... сейчас было что-то настораживающее в его поведении. Казалось, он не просто хочет познакомиться поближе, а есть тут какая-то цель. Вот что бы сказала фэнтези, замешанная на магии? Что либо маг хочет так добиться подчинения, либо повесить какой-нибудь маяк, либо проникнуть в мысли. Вариант: он хочет мне помочь, передав при прямом контакте свое знание о родном мире, отмела прочь, как не выдерживающий никакой критики.

Вопрос: а почему не лез в голову или не позаботился о маяке, когда мы были у него в мансарде? Возможно, потому что не предполагал, что сбегу от него на ночь глядя? Или так привык к своей неотразимости, что и мысль не пришла подстраховаться?

М-да. Пусть это все трижды мои фантазии – но помогать он точно не собирается, а роман мне сейчас нужен, как луноходу крем для загара. Значит, фигу ему с маслом, а не поцелуй.

Думаю дальше. Он приходит в сны. Но сон-то мой? Если сделать так?

И, представив себе, что летаю, оттолкнулась от земли. Вы-

шло! Зависнув метрах в двух с половиной от покрытой красной асфальтовой крошкой дорожки, зарулила в крону стоявшего над скамейкой большого конского каштана и уселась там в развилке. С соседней ветки сорвалась пара возмущенно пищущих зябликов. Тоже мне, нашли место для гнезда! Тут ворон полно, а теперь еще и студентки полетели...

Арвис ошеломленно уставился снизу на мой маневр. Раз у них люди по воздуху не ходят – а он сам мне об этом сказал! – вот и пусть сидит внизу. Будем как русалка и кот ученый!

Устроилась в развилке, болтаю ногой, созерцаю излучающую неодобрение вороную макушку. А почему я во сне хочу спать? Это нормально? Или этот сон не приносит отдыха? Если так, то нечего мне тут и делать. А на этого фигуристого я рада смотреть примерно как на памятник Петру работы Церетели – век бы не видела!

Оттолкнувшись от ветки, полетела к факультету. Найду карниз пошире и лягу спать. Хочется.

Крик «Мариэ!» растаял вдали...

Утром, перекусив бутербродами с местным аналогом чая, мы с Корэнусом занялись правописанием. Потом, часам к одиннадцати утра, К-2 собирался сводить меня на местный рынок, показать, что там где, и представить торговцам. Последнее было необходимо, чтобы не вступать по поводу каждого пучка укропа в получасовой торг.

Возник вопрос – кто я такая? Сообщать, что я – ино-

странка фиг знает откуда, как-то не хотелось. Пока не освоилась – разумнее прятаться. Попробовала навести профессора на мысль о приоритете научных исследований... Ведь если он задумал сделать меня вместе с великим и могучим темой эпохальной публикации о новой группе языков, это должно его зацепить? Зацепило! В итоге мы договорились, что одна из дома я пока ни ногой, только в его компании, а сам он представляет меня как дальнюю родственницу, приехавшую из глухой косноязычной провинции, чтобы в отсутствии Сийрэйи – так звали домоправительницу – помогать справляться с хозяйством. И насчет приличий так вопросов не возникнет. Мое имя – Иримэ – К-2 счел подходящим.

Интересная тут грамматика – в первый раз в жизни я задумалась, насколько стандартизация знаков препинания при письме и одинаковые арабские цифры облегчают понимание иностранных языков. А тут я пялилась на подсунутую Корэнусом страницу книги и пыталась сообразить, где начинается одно слово и заканчивается другое. И почему нет пробелов – бумагу, что ли, экономят? И в какую сторону это читать.

Оказалось, слева направо, сверху вниз. И на том спасибо. Между словами вместо пробелов ставятся точки в центре строки. А заканчивается фраза не точкой, а кружком. Вроде небольшой подпрыгнувшей буквы «о». А вот вопросительных знаков в природе не существует – их роль играет «сия» в начале предложения с присобаченными разными предло-

гами и суффиксами. Вроде бы мне рассказывали, что у нас нечто подобное есть в японском языке. Но вообще-то я не лингвист ни разу... Так что в ближайшее время буду строить исключительно утвердительные предложения по простому принципу: подлежащее впереди, сказуемое – за ним, все остальное – паровозом. И пусть понимают, как знают.

Очень хотелось узнать больше об окружающем мире... но пока пределом моих интеллектуальных возможностей было сообщение, что «веник стоит в углу». Ничего, день назад я не могла и того. Хотя кое-что прояснить мне удалось. Так, я узнала, что профессорское жалование составляет восемь золотых в месяц. Что в одном золотом – двадцать пять серебряников, а в одном серебрянике – двадцать пять медяков. И что небольшой дом в городе стоит около пятисот монет, то есть если не есть и не пить, то можно скопить на жилье за четыре года. Это если ты профессор...

Обнадеживающим моментом стало, что до паспортизации всей страны тут еще не додумались. Мне достаточно было сообщать, что я – Иримэ, племянница профессора Корэнуса. Несколько фраз про то, что я приехала к дяде из провинции, мы повторяли до тех пор, пока они прочно не улеглись у меня в голове и я не стала произносить их абсолютно без акцента.

А вот с налогами я не разобралась. Просто не смогла внятно построить вопрос. Или тут все было устроено как-то по-другому. Вторую животрепещущую тему – сексуальных отношений в обществе – и вовсе решила отложить до лучших

времен. А то сейчас такого наговорю, что меня выгонят за безнравственность. К-2 я в этом смысле не интересую, вот пока и достаточно.

По ходу дела сделала неприятное открытие. Оказалось, что многие поставленные рядом буквы меняют произношение непредсказуемым образом. Вроде как в немецком, где стоящие рядом «е» и «у» читаются как «ой». А «ч» вообще пишется четырьмя буквами. Кстати, в самом названии языка – Deutsch-«дойч» – наличествуют оба примера. Наверное, чтоб предупредить – оставь надежду всяк сюда входящий. В аризентском таких закавык было поле непахано.

Пока я зубрила вопросительные «где» и «почему» и училась писать самые простые слова – профессор тоже не бездельничал. Забрав мои листы, он аккуратно делал себе копии. Кстати, за родственников мы вполне могли сойти – тон и фактура волос у нас почти совпадали. И цвет глаз тоже. Только надеюсь, я к его возрасту не обзаведусь кустистыми бровями, как у филина. Но вообще, чем дальше, тем больше он мне нравился. В нем были те качества, что по-настоящему ценны в людях, – порядочность и доброта. Ведь ему же и в голову не пришло как-то воспользоваться тем, что я беспомощна и одна в этом мире. Более того, мне положили жалованье – пятнадцать серебряных монет в месяц. Это при крыше над головой и полном пансионе. Условия показались мне просто роскошными. За это я должна была учить Корэнуса своему языку, работать вместе с ним над словарем, без

жалоб учиться сама и в оставшееся время помогать по хозяйству. Я решила, что буду стараться все исполнять наилучшим образом.

Вздыхнув, оторвала глаза от листа. Уф-ф... хватит пока. Сейчас подумаю, что купить для себя на рынке. Если тут, конечно, продается женская одежда – все студенты, которых я заметила по пути, были парнями. Еще пару чулок. Нужны трусы – любые! – ног две, будем считать это решающим совпадением. Носки. Какая-нибудь домашняя обувь. Хоть маленькое, но зеркало. И, желательно, другое платье. Как выглядит это, Нариаи наверняка рассказала. Значит, искать будут иностранку в коричневом платье. А мы станем профессорской племянницей в сером или голубом! И, да, не забыть бы спросить – а чем тут зубы чистят?

Глава 7

Многие бумеранги не возвращаются. Выбирают свободу.

Е. Лец

Перед выходом на улицу я еще раз проверила, чтобы лицо было чистым, из-под шаровар не выбивалось ни единой прядки, а верх платья прикрыла серым платком. Попыталась представить получившийся силуэт – забавно. Расширяющийся от плеч вниз конус – ибо шаль скрывает все особенности фигуры, а наверху жуть ушастая, у меня ассоциировавшаяся с головой молот-рыбы: столь же уместно и соразмерно. Ну, или с Чебурашкой. А кто тогда местные мужики, на такое прельщающиеся? Поголовно крокодилы Гены? Нет, этой культуре нужны не только вилки!

Корэнус оглядел меня, кивнул. Сам он был в своем балахонистом плаще, темных брюках вполне нормального вида и невысоких сапогах. В руках профессор держал трость с затейливым, похожим на морду горгульи набалдашником. А две большие пустые корзины предлагалось, по-видимому, нести мне. Вздохнула – если мы наполним их едой, обратно такую тяжесть просто не допереть!

Вышли из дому, К-2 запер сначала дверь, затем калитку и повернул направо. Правила я уже знала – идти в полу-

шаге сзади, самой не болтать, вопросов не задавать. Головой вертеть можно, но разглядывать кого-то в упор считается неприличным, более того, когда девушка идет одна, такое может быть воспринято как приглашение познакомиться. Любопытно, «познакомиться» – это такой эвфемизм?

Шли по аккуратной дорожке, засыпанной мелким бежевым гравием. Я с интересом рассматривала каменные серые корпуса со стрельчатыми окнами, зеленые лужайки с короткой травой, редкие развесистые деревья, под которыми стояли скамейки. А вот клумб не было совсем. Только перед входами в здания красовались каменные корыта вазонов, в которых цвели яркие примулы.

Меньше чем за десять минут мы добрались до цели – местного рынка. Торжище находилось на большой – метров сто на сто – площади, расположенной на краю кампуса. Полтора десятка рядов с деревянными столами под легкими навесами, с широкими проходами между ними.

Примерно на половине площади торговали едой. К-2 подошел к делу ответственно и неспешно. Мы проходили по рядам, и профессор давал мне возможность рассмотреть лежащие на прилавках товары. Картофель, капуста, нечто репообразное, но почему-то розового цвета. Разные крупы, не все из которых я опознала. В любом случае, мне было неизвестно, что делают нормальные люди с зернами пшеницы или ржи. Ничего, кроме проращивания в целях получить таинственное жожоба, в голову не приходило. А вот гречки я по-

просила К-2 купить – в доме я ее не видела, а каша-рассыпуха у меня всегда выходила хорошо. Можно сварить сразу целый котелок и есть – с молоком, поджаренную с мясом, луком и морковкой, грибами или чем-нибудь еще. В холодном погребе она может простоять долго. Еще я прельстилась молодой зеленью – укроп с петрушкой выглядели тут вполне привычно. Углядев продающиеся семена, уговорила купить немного и их – если выдрать с клумбы одуваны, можно попытаться посеять на заднем дворе зелень – все равно все культурное там давно заглохло. Вообще я чувствовала себя сбитой с толку. Вот попробуйте представить, что пришли в супермаркет, где есть если не все, то много чего... но дома у вас отсутствует холодильник с привычной морозилкой. То есть брать можно только то, что не успеет испортиться до того, как ты это съешь.

На пробу купила несколько сырых рыбин, напоминавших по виду «ледяную». Предварительно обнюхала их и поинтересовалась у К-2, река или море? Услышав, что море, – взяла. Разница не только во вкусе, но и в количестве костей – в речной рыбе их на порядок больше. А увидев розовые отвалы соленой рыбы, похожей на нашу семгу, причем по смешной цене в пару медяков за пиастр, так называлась единица веса, примерно равная двум третям нашего килограмма, решила, что попала в гастрономический рай.

Осадив себя, поняла, что нужен систематический подход. То есть стоило подбирать продукты так, чтобы можно было

хотя бы раз в день готовить горячую еду. И делать что-то несложное съедобное на вторую, вечернюю трапезу. М-да... Может, стоит пока довериться выбору К-2, который уже четыре местных месяца успешно живет в гордом одиночестве, и ходить на рынок почаще? Десять минут в одну сторону – не расстояние. А сидеть день и ночь в доме – не к добру.

Профессор лично выбрал пару кусков мяса. Потом тушку того, в чем я признала кролика. И пару цыплят по пиату каждый. Корзина на моей руке стремительно тяжелела.

Закончили покупкой хлеба и булочек.

Потом стали наполнять вторую корзину товарами из ряда, где торговали разной канцелярщиной. Купили пару покрытых воском дощечек для письма, бумаги, свечей. К-2 хотел прикупить еще похожие на абак счеты, но я махнула рукой, мол, не стоит. Потом я запала на ершистую фиговину, которой, по моим расчетам, можно было чистить зубы. К-2 изумился, но сторговал и ее. Косился он при этом на меня странновато.

На одном прилавке торговали белым просеянным песком. Тем самым, которым присыпают свежеисписанные чернилами листы, чтобы те сохли быстрее. Я прикинула, что если купить этого песка и насыпать его тонким слоем в один из вынутых плоских ящиков шкафа из моей комнаты, то это – отличная альтернатива восковым дощечкам. Главное, стирать нарисованное просто: встряхнул ящик – и готово. К-2 удивился, зачем мне мешок с песком, но купил. А тянет эта

фигня еще килограмма на два, пожалуй. Я закручинилась: ходить с таким грузом по одежным рядам – удовольствие сильно ниже среднего. Уволочь-то я могла и больше – студент, способный оттащить на себе учебники, выданные на семестр, по грузоподъемности переплюнет верблюда!

Все же Корэнус, похоже, понял, что нужна помощь. При- встал на цыпочки, заозирался... и вдруг заорал, чуть не за- ставив меня шарахнуться:

– Лириад! Сирус! Гиатель эр!

Только когда рядом с нами возникли два парня – среднего роста блондин с улыбкой на круглой физиономии и похожий на эльфа высокий красивый шатен с лукавым прищуром зеленых глаз, – я поняла, что профессор кликнул на помощь своих студентов. Симпатичные. Оба. Волосы ниже плеч, лица приятные. Поклонились профессору, который забрал у меня корзины и протянул их парням. Те, не выказывая никакого неудовольствия, их взяли. Я одернула себя, вспомнив, что тут хлопать на мужчин глазами считается неприличным. Если К-2 меня не представил, значит, на то есть причина. Потупила взгляд, успев заметить, что оба парня сами с интересом меня разглядывают. Ага, есть на что посмотреть. Наряд – баллистическая ракета «Тополь» на старте. Страхиidla сезона.

Самое удивительное, что, судя по лицам парней, те так не считали. Мне даже приятно стало. Пока не вспомнила, что, кроме как тут, на рынке, особ женского пола в кампусе не

встречала. Так что им, наверное, на безрыбье и рак рыба. И уксус сладкий... Ой, кстати, хотела же я купить еще лука и уксус! Попробовать добавлять его в салаты и замариновать мясо. Но как на здешнем уксус? Если я сейчас сделаю вид, что чего-то хлебнула, а потом перекошу рожу, ведь не так поймут! Эх, уплыл мой уксус... жаль. А трусы еще жальче – как с таким эскортом идти в одежные ряды за бельем?

Нет, делайте что хотите, но без трусов я отсюда не уйду! Незаметно тронула Корэнуса за локоть и, когда тот обернулся, сделала страшные глаза и покосилась на ряды с одеждой. К-2 задумался, не взбесилась ли я ненароком, но потом до него дошло. Парни с корзинами были отправлены ожидать нас у выхода с рынка. А меня спросили, нужна ли помощь в разговоре с торговцами? Я замялась – нужна-то нужна, но вещи – женские, и втягивать профессора в полемику по обсуждению цены панталон мне совсем не улыбалось. К тому же платить за эти вещи я собиралась самостоятельно.

Помотала головой. И, подумав, попыталась втолковать касательно уксуса, изобразив, как могла, что от него куксятся. К-2 облегченно кивнул и отправился в продуктовые ряды. А я, набрав в грудь воздуха побольше, пошла смотреть одежду. Загнав стеснительность и неуверенность пинками куда подальше в глубь себя – сама за себя не постою, никто другой этого не делает! – начала рассматривать выложенные на прилавки вещи. Да, в основном мужские. Но и мне кое-что согдится. Сейчас обойду все, погляжу, что тут есть, а потом

стану прицениваться. И начну с мелочи – носков, чулок, трусов.

Тактика себя оправдала. Единственно, выбранное мной синее платье с закрытым воротом за девять серебряных было негде померить. Я, как могла, прикинула на нем и на себе объем груди и длину спины до талии, приложила рукава, померила подол. Вроде ничего. Торговка, видя мои сомнения, сбросила половину серебряного ака. Я потратила их с толком, закупив белых и темно-серых ниток и жутковатого вида иголку к ним. Кстати, тут нашлись и почти привычного вида зубные щетки. А что же за ершик я тогда купила в том ряду?

Напоследок побаловала себя колпаком вроде ночного и длинной фланелевой рубашой. А вот с обувью вышел облом – ничего подходящего так и не нашлось. Как и головного убора взамен хлопавшего на мне ушами на ветру.

В итоге проходили мы полтора часа. Обратно я снова смирно семенила сзади, глаза долу, овца овцой. К себе прижимала объемистый куль купленных тряпок. Этак скоро чемодан приобретать придется!

С Лириадом и Сирусом профессор распрощался на пороге. Те поклонились преподавателю, еще раз заинтересованно посмотрели на меня и ушли. Впрочем, у калитки оба обернулись. Может, я по здешним меркам и в самом деле ничего?

Войдя в дом, сначала занялась продуктами – разложила все по местам. Тут и выяснилось, что вместо уксуса К-2 при-

купил небольшую бутылку чистого спирта. Лизнула и скривилась не хуже, чем от уксуса – крепко же! Профессор радостно закивал, ожидая одобрения. Интересно, что, как он думает, я буду с ним делать? На таком же ракета летать может!

Пока Корэнус разжигал печь, разобрала мясо. Один кусок поставила вариться – первый мой суп слопался «на ура!». Вспомнив, что хранению помогают листья крапивы и что заросли этого вездесущего растения я видела на заднем дворе, сбегала туда. Надергала листьев, помыла, дуя на обожженные пальцы. Хоть и рвала через тряпку, но зело жгучая попалась! Обложила крапивой остальные куски и отнесла на ледник. Поставила кипятиться воду для гречки. Крупу, кстати, хорошо бы перебрать... но это занимает столько времени! Ух, похоже, вхожу в колею.

Закончив с продуктами, понесла наверх свои покупки. Кстати, я, кроме традиционных женских нарядов, купила себе, выбрав на глазок, пару бриджей фасона «кавказская пленница». Брезжила на задворках сознания смутная мысль, что мужская одежда в некоторых ситуациях однозначно удобнее женской. Да и к тому же по утрам стоило бы делать хоть самую простую гимнастику, а то вдруг придется снова драпать?

Сняв с себя платье, померила синее. Понравилось. Даже ушивать не придется. Только чуть подрубить подол, а с такой малостью я справлюсь. Поменяла бывшую на мне полотняную рубаху на батистовую – более тонкую, удобную и по раз-

меру. Эта закрывала грудь до ключиц, где завязывалась на бантик из двух тоненьких тесемочек. Снова надела коричневое платье. И пошла вниз – бульон вот-вот вскипит.

Вынув из шкафа нижний плоский ящик, прихватила с собой. Вот сейчас попробую, что я там удумала с песком!

* * *

Профессор предупредил, что к нему кто-то должен прийти. Кто – я не поняла, уяснила только, что старый друг. По этому поводу я вытряхнула коврики, заварила свежий чай – точнее, тот сбор трав, который в Риоллее его заменял, и собрала раскиданные по всему дому бумажные квадратики со словами. К-2 одобрительно кивал. Вообще понимать мы друг друга стали здорово. Помог и ящик с песком, рядом с которым мы сиделись бок о бок, у каждого палочка в руках, и говорили, поясняя все непонятное рисунками. Художники из нас были еще те... но мы ж не для Эрмитажа старались!

Оказалось, что тут сейчас каникулы. И они будут продолжаться до конца следующего месяца. Связан был такой порядок учебы с тем, что самые важные и трудоемкие работы – это посадка и посев. А Аризента – сельскохозяйственная страна. И большинство студентов были сыновьями землевладельцев. Которым по весне, как и по осени, надлежало быть дома и помогать семье. Даже если они не пахали сами, то нужно ж распределить что, где и как. И проконтролировать

качество обработки грунта и заделки семян. Во всяком случае, я поняла рассказ профессора именно так. И вывод сделала один – у меня еще полтора месяца – почти сорок дней – до того, как он вернется к преподаванию.

О Москве я старалась не вспоминать. Фиалок, которые надо поливать, и канареек, которых надо кормить, у меня отроду не водилось. Все родственники были вполне дееспособны. Отец давно жил с новой семьей в Калининграде, и мы только созванивались пару раз в год – на его день рождения и на мой. А мама вспомнила молодость и то с рюкзаком, то на лыжах бродила по лесам фиг знает где с каким-то приятелем тех времен, когда студенты у костров пели про солнышко лесное. У меня же было три месяца каникул, которые только начались. Да, если не выйдет вернуться к осени – тогда начну думать. И тогда, только тогда, приму решение – рваться домой дальше или остаться тут, в месте, которое в общем-то ничем, кроме надобности носить на голове жуть ушастую, меня не раздражало. Зато какой тут чистый, пахнущий морем воздух!

Закончив уборку в доме и ликвидировав все следы своего присутствия на первом этаже, отправилась к себе, пересидеть гостей. Заодно подрублю наконец подол и повторю слова – как-то у меня составление вопросов на аризентском так и не пошло. Я брала между словами паузы на раздумье такой длины, что Сара Бернар бы обзавидовалась. Вообще теплело с каждым днем, и я хотела под вечер выйти на задний двор

с лопатой и ножом – повыдирать из клумбы нахальные одуванчики, чтобы посеять там полезный укроп. Но, видно, не судьба.

А еще в нашем с Корэнусом общении пока совершенно не наблюдалось прогресса в теоретических областях знаний. Вот попробуйте объяснить на пальцах, к примеру, что такое ядерная физика или интегральное счисление, пользуясь только очевидными, элементарными понятиями, – сразу же почувствуете, в чем затык. Я так и не смогла вникнуть, чему же учат на большинстве факультетов местного университета. Поняла, что сам Корэнус вроде бы преподает географию, что-то связанное с языком и какую-то математику. Как можно одновременно заниматься географией и математикой, в моей голове не укладывалось. Зато К-2 ответил отрицательно на мой вопрос, есть ли среди студентов девушки. Более того, он был настолько изумлен тем, что такая мысль вообще возникла в моей голове, что спросил в ответ, обучаются ли женщины наукам у нас? Я кивнула. Но, по-моему, он не поверил.

Учитавшись, легла спать. Кстати, Арвис во снах последние три ночи мне не являлся. Если честно, было как-то жаль. То ли я и в самом деле успела неровно к нему задышать, то ли он казался мне тоненькой ниточкой, ведущей к дому.

Натягивая на уши одеяло, вспомнила, как заметила сегодня из окна белобрысую голову, выглядывающую из-за забора заднего двора. Похоже, тяга к приключениям у студен-

тов всех времен и народов неистребима! В общем-то я была не против новых знакомств, если это будет происходить под присмотром К-2. Только пока рано – изъясняюсь я все еще на уровне пятилетнего ребенка-дауна. И не вызывать вопросов такое не может. Разве что только всем с порога рассказывать, как в детстве матушка уронила меня вниз головой с крыльца на случайно оказавшийся рядом жернов.

Не стоило мне Арвиса вспоминать... накликала.

Мне снилось, что я у себя дома, сижу с ногами на диване. Вид самый что ни на есть домашний – тот самый полосатый халат на голое тело. Под локтем – подушка. В руках – нечитанный мной детектив любимого Гарднера с незнакомым названием «Дело о потерянном брате». Рядом на стуле, распространяя одуряющий аромат, исходит паром чашка кофе. За окном темно, я знаю, что уже почти ночь и торопиться никуда не надо. Вот такое состояние полного комфорта, расслабленности, почти эйфорического счастья. Когда есть не много, но больше и не требуется. Вытянула ноги, потянулась за чашкой кофе... и тут в дверях появился Арвис.

Я чуть не опрокинула чашку. Осознание того, что все – лишь сон и что даже во сне дома я не в безопасности, вылилось в такой стон разочарования, что парень споткнулся на пороге. Нет, не могу я его видеть. Не знаю, каким боком он во все это замешан, но его появление – это как крутить костью под носом у очень голодной собаки. Вызывает одно

желание – гавкнуть и укусить!

– Арвис, уйди! Или уйду я! Я не звала тебя к себе домой! Не знаю, что тебе от меня надо, но не трогай хотя бы это! Понимаешь – я НЕ ХОЧУ тебя видеть!

– Мариэ! Объясни хотя бы, чем я так тебя обидел?

Он и в самом деле не понимает или это просто попытка потянуть время и дать мне возможность выпустить пар?

– Арвис, ты же знаешь, кто я и откуда, да? А я знаю, что это – не просто сны. И ты пришел сюда сам, а не потому, что мне захотелось поглядеть на красу черноволосую несказанную...

Ой, зря я, может, издеваюсь? Вон как глаза нехорошо заблестели! Если сон – не просто сон, то надо бы быть поаккуратнее...

– И ты понимаешь, что попадать в ваш мир я не хотела и не рвалась. Но попала. И теперь либо освоюсь в нем, либо пропаду. Сначала ты даже немного помог, и я была благодарна. Но потом мне пришлось от тебя бежать. А зачем ты продолжаешь преследование, для меня просто загадка. Я так поняла, что найти покладистую девушку для тебя не проблема. А еще ты держишь меня за дуру... а такого я не люблю. Вместо помощи, которая мне нужна, ты создаешь угрозу. Вот и весь ответ.

– Я был бы рад тебе помочь... но не могу. – Плечи чуть опустились.

Чтоб его! Опять правда в профиль. Ну и бес с ним!

– Тогда пропади и не мешай!

– Не могу.

– Почему?

– Не могу рассказать. Просто позволь мне быть с тобой рядом.

– Зачем?

– Ты мне нравишься.

Посмотрела в его лицо. Красивый. Четко очерченные губы, брови вразлет, ясные серые глаза. Серые? А почему светились голубым?

– А почему у тебя глаза в темноте светятся?

– Наследство нашей матери.

– Вашей?

– Ну, моей...

– Твоей и чьей?

– Мариэ, не спрашивай. Пожалуйста.

Ладно. Просто запомню, что в Риоллее обитает целое семейство арвисов. С которыми лучше не встречаться ночью. И днем тоже.

– Арвис, а можно спросить вот что – это ты создал для меня сон? Без тебя бы дом мне приснился?

– Я помог. Ты мне покажешь, как жила тут?

А сам он что, не видит? Наверное, нет. Как не видел других студентов, пока я не заговорила о них. Ну ладно... раз вежливо просит – пусть поглядит.

– Смотри. Это спальня, она же кабинет. Вот стол с ком-

пьютером. Кстати, если я его попробую включить, он будет работать?

Брюнет озадаченно уставился на торчащий на столе серый плоский экран монитора. Ясно. Над вопросом аппаратного совмещения сонной магии и всемирной паутины он не работал. А если я ткну в кнопку, может, экран и засветится... но где гарантия, что он станет показывать не просто мои фантазии?

– А где кровать, если это – спальня?

– Я на ней сижу. Диван раскладывается. Но вообще-то, мне места и так хватает.

– Ты живешь одна?

– Ну, ты же живешь один и тебя это не смущает?

– Я – мужчина.

– А я кто? Курица безголовая? Это называется дискриминацией по половому признаку. И ты, и я – люди. С головой, душой, желаниями – только это и важно. Так что да, я живу одна... – поправились, – то есть жила одна. И прекрасно справлялась.

– А где ты живешь сейчас в Риоллее?

– Вариант «у Тутанхамона» тебя устроит?

– Ты обманываешь. Я нашел тот чердак над похоронной конторой, где ты ночевала. Как ты вообще туда забралась?

– Ну, это было не сложнее, чем тебе выяснить, кто такой Тутанхамон, – хихикнула я. – Кстати, а как ты это узнал?

– Не спрашивай.

Ну вот, опять тайны.

– Хорошо, – согласилась я. – Но раз ты мне не отвечаешь, сам тоже не задавай вопросов. Это справедливо.

Судя по выражению лица, Арвис не привык к тому, чтоб ему перечили и указывали, что справедливо, а что нет. Ничего, как-нибудь переживет. Поняв, что меня решительно не интересуют его душевные терзания, брюнет осведомился:

– А кроме спальни, что тут есть?

– Пошли, покажу. Комната побольше – гостиная. Там стоит обеденный стол...

Сначала его заинтересовали полки с книгами, доставшимися мне по наследству от бабушки. Сама я добавила сюда лишь Фейста, Хайнлайна, да Эрика Берна.

– Ты это все прочитала?

– Ну, практически все, – вздохнула я. Полюбить Достоевского я так и не смогла. Не мое это. Осилила и забыла.

Гостиная Арвиса не заинтересовала. Зато устройство унитаза и душ с несколькими режимами подачи воды просто очаровали. Как и газовая плита. Кофемолку с миксером я решила не показывать. Не хватало еще, чтобы из-за меня в Аризенте произошла незапланированная промышленная революция. А вот устроить нормальную канализацию в городе им давно пора. Ой, вот еще что! Кинулась к тумбочке и извлекла оттуда вилку – родную сестру той, которую я так удачно применила в рукопашной первой ночью.

Арвис, судя по тому, как он шарахнулся, тоже это помнил.

Кстати, удобно ли спросить, куда я ему попала? Сглотнула смешок, представив, как в ответ брюнет мило краснеет и заявляет: «Не спрашивай!»

Увы, закончился сон предсказуемо. Когда мы снова оказались в коридоре, он решил, что тут мне некуда деваться, и попробовал прижать к стене, опершись ладонями справа и слева от моих плеч. Усмехнулся. Глаза стали как будто глубже. И голубее. И, улыбаясь уголками губ, наклонился ко мне, чтобы поцеловать... Опять?! Подняла ладонь в предостерегающем жесте: «Мой сон! Пусть в руке будет сковородка!»

Сковорода появилась. Прямо перед лицом. Черная, бабушкина. Не тефаль, а, как, корежа слова, я ее звала – чугуний. И с этим чугунием-то Арвис и поцеловался. Но мало того, я настолько растерялась, что выпустила тяжеленную утварь из рук, и та грохнулась ему на ногу! Упс!

– Ой, епрст... – разнесся по моей прихожей интернациональный вопль радости. Вывернувшись из-под руки оторопевшего парня, юркнула в спальню и кинулась к окну. И как раз успела распахнуть створку к тому моменту, когда хромающий брюнет появился в дверях.

– Подойдешь – прыгну! – заявила без тени сомнения. – Как думаешь, я летать умею?

Он застыл в обрамлении косяка, как картина в раме.

– Я тебе так противен? Почему?

– А ты сам-то стал бы целоваться с кем-то, кому нужны не ты и твои губы, а фиг знает что? Знаешь, шел бы ты от меня

куда подальше, некромант недоделанный!

– Кто-о?! А кто такой некромант?

– Любитель Тутанхамонов! – отрезала я. И грустно вздохнула. – Арвис, я же вижу, что кроме того, что я тебе симпатична, ты от меня чего-то хочешь. Причем это что-то даётся или берётся, очевидно, через поцелуй. И вот зуб даю – мне это твоё «что-то» совершенно без надобности. Скажу тебе прямо: по меркам этого мира такое недопустимо между друзьями. И способно разрушить любую любовь. Если ты используешь человека без его согласия, как вещь, то не жди, что он будет хорошо к тебе относиться. Так что выбери одно: либо нравлюсь, либо используешь. Вместе – никак.

– Ты мне очень нравишься, – в голосе не звучало ни тени сомнения. И все равно фраза казалась незаконченной.

– Но?..

– Что но?

– В утверждении в конце звучало «но...», – я перекинула ногу через подоконник. Вот что творю? А если сейчас и вправду полететь не получится?

Внезапно Арвис улыбнулся. Махнул рукой:

– А просто, без «но», поцелуешь?

– Просто? – прищурилась я. – Не-а, все равно не хочу! Не верю! Ты еще что-нибудь придумаешь! А я хочу быть с тем, кому можно доверять! – и, зажмурившись, вывалилась в окно. «Я летаю, летаю...»

Глава 8

*Женщины – это трудности, с которыми
мужчины любят бороться.*

Э. Уилсон

Проснулась с колотящимся сердцем и долго не могла отдышаться. Ощущение было таким, будто шагнула с крыши в реальности. Ощупала руки, ноги – вроде все на месте. Села на кровати. Отчаянно не хватало воздуха. Встав с постели, подошла к окну. Распахнула створки, впустив холодную ночную свежесть. Оперлась локтями на подоконник, уставилась на темные кроны деревьев, перекрывающие половину неба. Звезды! Я впервые вижу тут звезды! И луна с краю, так похожая на нашу... А созвездия? Вот никогда не была сильна в астрономии. Вообще на какую сторону света выходит мое окно? Вспомнив, какой путь проходит солнце днем, решила, что это – запад. Значит, север по мою правую руку, и я не вижу знакомых всем ковша Большой Медведицы и Полярной звезды за крышей дома. Но если вылезти наружу – то увижу...

Через минуту я была уверена, что день сегодня такой, что мне просто суждено откуда-нибудь гробануться. Не во сне, так наяву. Или и там, и сям. Черепица ската крыши поросла влажным скользким мхом, и я едва не загремела вниз сразу

же, как спустила на нее босые ноги. Спасло то, что мертвой хваткой вцепилась в подоконник. Угу. Это уже не астрономы, а космонавты! Собрав конечности более-менее в кучку, осторожно подняла голову. Вот то или Ковш, или очень на него смахивает! Гм-м. Посмотрела, узнала. Молодец! Ну и что теперь с этим знанием делать? Наверное, лезть назад в окно, пока никто не застукал профессорскую племянницу на крыше в ночной рубашке.

Маленькое приключение помогло успокоиться. Значит, я была права. Арвис знает больше, намного больше, чем говорит. А все его «нравишься» могли быть лишь приманкой. Но кое-что интересное я услышала. Например, то, что он искал меня и даже каким-то образом вычислил тот чердак, где я ночевала. С другой стороны, никто, кроме него, не смог бы меня опознать в новой одежде. Особых примет, кроме молодая, симпатичная, косноязычная, в коричневом платье, не имеется. А от двух последних признаков я успешно избавилась. За крестьянку-тугодумку меня можно было принять уже сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.